

НОВАЯ ПОЛЬША 2/2008

Содержание

1. МОЙ БАБИЙ ЯР
2. ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НА ДЕЖУРСТВЕ
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. АХМАТОВА ПОМОРСКОГО
5. ПОЭТИКА ИНВЕРСИИ
6. СТИХОТВОРЕНИЯ
7. ФЕНОМЕН РУЖЕВИЧА
8. ДВА РАССКАЗА
9. РАССКАЗЫ АНДЕРМАНА
10. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
11. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

МОЙ БАБИЙ ЯР

На фоне безумия мира депеша, казалось, не имела значения. То, что – как сообщало агентство – “Евгений Евтушенко читал в иерусалимском „Яд-Вашеме” свое стихотворение „Бабий Яр””, явно мало кого интересовало. Другое дело – мой личный счетчик Гейгера. Он сразу дрогнул. Для меня это было событие.

Прежде всего – кто есть кто. Молодые поляки, а таких большинство, Евтушенко, скорее всего, не знают, “Бабьего Яра” наверняка не читали. Да и где они могли бы его прочитать? Евтушенко, бывшему *enfant terrible* советской поэзии, 74 года, он доступен на 74 языках, но все это дела давно минувших дней.

“Бабий Яр”, самое известное его стихотворение, – это потрясающий реквием, посвященный кровавой бойне в балке под Киевом, где гитлеровцы и местные наемники в сентябре 1941 года, в праздник Йом-Кипур, убили 35 тысяч украинских евреев (потом – гораздо больше). А “Яд-Вашем”, как известно, – институт в Иерусалиме, хранитель памяти о Катастрофе.

Так случилось, что “Бабий Яр” сразу, с момента первой публикации, вошел в мою биографию – и остался в ней. Эпизоды, как в кинофильме, логически дополняют друг друга, у каждого свое место на фоне “Яра”.

Когда в 1961 г. московская “Литературная газета” опубликовала стихи, в Варшаве это вызвало шок. Мы, специалисты по дешифровке советского языка, сразу поняли сигнал: это не только стихи, но и признак оттепели: впервые в Москве кто-то с такой силой напомнил о евреях, гибель которых прежде скромно камуфлировалась словосочетанием “граждане СССР”.

Так началась моя жизнь с “Яром”. Годом позже Евтушенко и его стихотворение – у меня в Гаване. Сюрреалистическая сцена: советский поэт за бутылкой польской водки в кубинских тропиках читает стихи о судьбе евреев из-под Киева и о русской памяти. Возвращение с Кубы в Варшаву, постепенно сжимаемую в смрадных объятьях Мочара^[1]: всякий, даже легкий публичный намек на “Яр” уже был актом сопротивления гнилой диктатуре.

Потом приземление в Брюсселе, в разгар кампании “Let my people go” – за свободу эмиграции для советских евреев. В газете “Суар”, где никто не знал этих стихов, я говорю о “Бабьем Яре” как об одной из отправных точек этой кампании.

Ну и – *last but not least* – год назад на меня обрушилась поразительная девятисотстраничная книга Джонатана Литтела “Les Bienveillantes”. “Бабьему Яру” там отведено несколько страшных, феноменально написанных, редких в литературе, густых страниц. Повествователь, оберштурмфюрер доктор Ауэ рассказывает, как, “не ведая, что творит”, смотрел, а потом и сам участвовал в резне, стрелял и убивал.

Жалею, что я не слышал, как Евтушенко читает в Иерусалиме:

Над Бабьим Яром памятников нет.

Крутой обрыв, как грубое надгробье.

Мне страшно.

Мне сегодня столько лет,

как самому еврейскому народу.

Поэт в России, говорит Евтушенко, больше, чем поэт. В его случае это правда. Только где они сегодня – “поэты больше, чем поэты”?

1. Мечислав Мочар (1913–1986) – коммунистический общественный и политический деятель, в 1964–1968 гг. министр внутренних дел. Занимая эту должность, умело использовал антисемитские настроения в борьбе за власть. В результате развернутой им “антисионистской” кампании десятки тысяч польских евреев были вынуждены покинуть Польшу. – *Ред.*

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НА ДЕЖУРСТВЕ

Журналисты многих стран мира – в том числе Польши и Бельгии – отметили в Брюсселе, в салоне Европейской комиссии, 85-летие со дня рождения и 60-летие профессиональной работы Леопольда Унгера, политического комментатора “Газеты выборчей” и сотрудника брюссельской газеты “Суар”, а в прошлом – многолетнего сотрудника парижской “Культуры” и польской редакции радио “Свободная Европа”.

Феномен Леопольда Унгера прежде всего в том, что он, публицист редкого класса, не гнушается обыденной журналистской работой. Комментирует текущие события, без промедления ставит диагноз – как правило, точно. Направляет внимание читателя на суть дела, минуя обманчивые частности, хотя отнюдь не избегает анекдота, особенно когда хочет указать на исторический прецедент проблемы. Словом, ведет себя как опытный хирург на дежурстве в отделении скорой помощи, где обычно торчат молодые практиканты.

*

По милости историков словесности, лишь два жанра журналистики удостоились привилегии быть зачисленными в разряд художественной литературы: репортаж и публицистика. Однако даже их допускают в салоны условно и не без колебаний.

Немало выдающихся людей прошли репортерскую выучку. Их родоначальником слывет Плиний – младший: в частном письме историку Тациту он сжато и красочно описал событие, которое ему довелось увидеть в Неаполитанском заливе 24 августа 79 года от Рождества Христова. Это была гибель Помпеи. Среди последователей Плиния – целый рой государственных мужей, писателей, историков и прочих так называемых знаменитостей. Случай обеспечил им известность или помог сделать карьеру – лишь благодаря тому, что они сумели сообщить о необычном событии, свидетелями которого стали. Демулен описал штурм Бастилии (спровоцированный его собственными статьями). Генри Мортон Стэнли стал самым прославленным журналистом эпохи, когда ему удалось обнаружить в джунглях Африки Дэвида Ливингстона,

искавшего истоки Нила; он тогда произнес знаменитую фразу: “Doctor Livingstone, I suppose?” Некий Уинстон Черчилль свою литературную карьеру, увенчанную Нобелевской премией, начал с короткой заметки об удачном побеге из лагеря военнопленных, где его держали буры. Джон Рид оказался в надлежащее время в надлежащем месте – 7 ноября 1917 г. он был в Петрограде и смог описать первый из “Десяти дней, которые потрясли мир”; эта книга его прославила. Курцио Малапарте в августе 1920-го пребывал в Варшаве, чтобы рассказать о вторжении Красной Армии – а увидел её поражение. Ксаверий Прушинский должен был посылать корреспонденции из ставки генерала Франко, но остался в Мадриде – так возникла замечательная книга “В красной Испании”.

Не случайность, а особый талант превратил в сокровища литературы репортажи Редьярда Киплинга, Эгона Эрвина Киша, Мельхиора Ваньковича, Рышарда Капустинского. Секрет их таланта – умение видеть в событиях дня молекулы творимой истории. Эта способность превращает репортажи Ханны Кралль о встречах с человеческой “мелочью” в столь захватывающие повествования. Большой репортаж – не хроника событий, а свидетельство весомости человеческой судьбы.

*

Публицист, кажется, лишен таких преимуществ. Он вмешивается в общественную жизнь, рецензирует политические стычки, сплетни и выходки властей, за которыми обычно остается последнее слово. Он выступает по вопросам не только чуждым ему, но и мимолетным, обреченным на забвение, как вчерашняя газета. Несмотря на это статьи многих публицистов навсегда остались в памяти людей, да и в учебниках истории, хотя никто уже не помнит речей, действий, даже имен политиков, принимавших участие в событиях, о которых идет речь. Достаточно упомянуть хотя бы дело Дрейфуса: если сегодня его и вспоминают, то в связи с именем Эмиля Золя, автора статьи “Я обвиняю!”, которая радикально изменила ход событий.

В том-то и штука: речь идет о влиянии на события, сознательном влиянии.

На состояние умов в России при Александре III “король фельетона”, либерал Дорошевич имел влияние почти такое же, как всемогущий Победоносцев, обер-прокурор Синода. Во время II Мировой войны статьи Уолтера Липмана или

корреспонденции из России Александра Верта (а в России – комментарии Ильи Эренбурга в “Красной звезде”) больше говорили дипломатам и самым проникательным из военачальников, чем донесения разведки и официальные директивы. Раймон Арон во Франции или Индро Монтанелли в Италии значили для общественного мнения больше, чем министры и депутаты, избранные сотнями тысяч голосов. Какая-нибудь шутка, которую удавалось контрабандой протащить Киселю [Стефану Киселевскому], отзывалась громче, чем десяток речей и угроз Гомулки.

Станислав Цат-Мацкевич утверждал, что публицист – это политик, временно лишенный власти. Полагаю, что он ошибался. Доказательство – его собственная судьба. Замечательный публицист, редактор виленской газеты “Слово”, которую в Варшаве читали внимательней, чем столичную печать, в конце концов стал премьер-министром польского правительства в изгнании, в Лондоне, и закончил эту карьеру стыдливым возвращением в ПНР. Конечно, публицистом и автором романов был Дизраэли, прежде чем стать премьер-министром Великобритании, но – признаемся – никто сегодня его сочинений в руки не берет.

Серьезный публицист, особенно т.н. колумнист, не променяет редакционного стола на министерский кабинет. Джулиано Феррара, который из предпринимателя Берлускони сделал политика, недолго был министром в его правительстве, вскоре затосковал по самостоятельности, вновь взялся за перо и основал газету “Фолио”, с чтения которой начинает свой день любой итальянский политик, будь то левый, будь то правый. Ежи Гедройц хорошо знал, что делает, когда, не обращая внимания на политические искушения и миражи польского Лондона, всё поставил на карту “Культуры”. Вы скажете: он был не публицистом, а редактором. Но он был вождем и вдохновителем публицистов; пишущему эти слова он однажды сказал, что считает себя кем-то вроде суфлера. Да, это был суфлер в квадрате: он не только предлагал темы и концепции, но и предъявлял к авторам такие требования, которые придавали тексту летучесть и точность снаряда.

Леопольд Унгер – живое доказательство справедливости этого тезиса.

*

Ежемесячный комментарий “Брюссельца” в “Культуре” быстро занял место рядом с очередными фрагментами политического сериала “Лондонца” – Юлиуша Мерошевского. Когда-то

Лондонец был журналистом-поденщиком в краковской газете “ИКЦ” (“Иллюстрированный курьер цодзенный”); в эмиграции, под опекой Редактора, он стал чем-то больше, чем его *porte-parole*; его заслуга – предложенный “Культурой” проект международной политики будущей, свободной Польши. За Брюссельцем закрепилась слава отличного профессионала, однако погруженного прежде всего в работу малозаметную: он был секретарем редакции крупной ежедневной газеты, достойным преемником Станислава Ротерта, того самого, который платил построчный гонорар за сокращения – тем больше, чем более сжатым получался текст. Да, длительное пребывание в красной Гаване, где Унгер был корреспондентом газеты “Жиче Варшавы”, помогло ему осознать то, что слабо понимали на родине: если даже Куба – не изолированный остров, то Польша – тем более. Понимание значимости глобальных конфликтов открыло ему страницы европейской печати. Но именно ободрение и растущее внимание Гедройца позволили ему расправить крылья. В “Культуре” он стал выдающимся публицистом, диагностом мировых недугов, угроз и шансов, о которых в Польше обязательно надо было знать.

Два фактора обусловили то, что Унгер, он же Польша Матиль, на чужой, сложной территории приобрел такое влияние на общественное мнение, которого теперь никто не отрицает. Первый фактор – умение масштабно и точно ставить политический диагноз, приобретенное и развитое под руководством Гедройца. Второй – счастливое стечение обстоятельств, приведшее к тому, что отличный и любящий работать журналист с европейского Востока попал в столицу Европы как раз тогда, когда этот Восток приковал к себе внимание всего мира. Именно Леопольд Унгер в газетах “Суар” и “Интернэшнл геральд трибюн” обратил внимание читателей и авгуров на первые признаки тех процессов, которым вскоре суждено было разрушить роковое равновесие страха, обеспечивавшее прочность советскому леднику. Его первая статья в “ИГТ” касалась вроде бы мелкого факта: в Кракове, в подъезде дома по улице Шевской, 7, был обнаружен труп молодого человека, участника тайного, тогда еще слабого, движения сопротивления; затем следовал рассказ о заупокойной службе, что неделю спустя прошла в костеле, до отказа заполненном безмолвной толпой^[1]. Сам стиль сообщения наводит на мысль, что описан взрыватель надвигающегося взрыва. Унгеру не нужны высокие слова, чтобы сказать о важных переменах. “Сталина уже не было в живых, разрядка и торговля диктовали свои законы, в западные салоны неловко было влезать через окно с наганом в

руке”, – вот и всё, что ему было нужно, чтобы дать представление об атмосфере времени, предшествовавшего избранию польского епископа на папский престол в Риме и началу усилий Москвы и Софии по предотвращению последствий этого избрания. Он вовсе не считает Польшу пупом земли, он был изгнан из нее дурнями и расточителями как чужак, потому что – хоть и убежденный агностик – не считал, что должен отречься от веры своих еврейских предков. Кроме того – никто так, как он, не умел перевести на язык западного общественного мнения смысл событий, происходящих в его родной стране. А также в Праге, Бухаресте, наконец – в Москве. Унгер первый показал своим бельгийским и французским читателям, что в Чернобыле “треснул догмат молчания, этот подлинный фундамент советизма... Именно в Чернобыле Советский Союз начал путь из XIX века в XXI-й”. С подобной же прозорливостью он писал и об Аргентине, и о Японии.

Влияние, которое приобрел Унгер (в том числе благодаря популярности его передач на незабвенном радио “Свободная Европа”) и которое он по-прежнему оказывает на польских читателей – благодаря своей рубрике в “Газете выборчей”, а на иностранных – благодаря непререкаемой репутации в “Суар” (газете, которую внимательно читают на всем франкоязычном пространстве), – позволяет без особых колебаний сравнить его с другим польским публицистом, который в свое время считался самым заслуживающим доверия экспертом, если не высшим авторитетом в области международных отношений. Я имею в виду Юлиана Клячко, издателя парижских “Ведомостей польских”, но прежде всего – постоянного комментатора влиятельных “Ревю де дё монд” и “Ревю де Пари”, воспитателя сыновей Зигмунта Красинского, доверенного завсегдатая “Отеля Ламбер”^[2]. Он был знатоком и историком итальянского искусства, историком и пропагандистом польской поэзии, но главное – отменным публицистом. Сын купца Герша Лейба, родившийся в Вильно 6 ноября 1825 г., он сменил фамилию и вероисповедание только в 1856 году. Мицкевич его не любил, но Клячко первым (в 1861 г.) занялся научным исследованием переписки поэта. Граф Станислав Тарновский считал Клячко “одним из самых выдающихся умов XIX века”. Однако не происхождение и не похвалы сильных мира сего позволяют сравнить с ним Леопольда Унгера, а необыкновенная способность к дальновидному анализу перспектив, вырисовывающихся при наблюдении международных отношений. Брюсселец не занимается гаданием на кофейной гуще – с тщательностью прирожденного журналиста он

отбирает конкретные детали, даже мелкие, чтобы сделать из них важные выводы.

Обратимся к “Двум канцлерам” Юлиана Клячко, сочинению 60-х годов XIX века, написанному еще до прусских побед под Садовой и Седаном. Внимательный анализ с виду невинных шагов Горчакова, с одной стороны, и Бисмарка – с другой – позволяет ему предсказать гегемонию Пруссии в Германской империи и прийти к пониманию того, что сближение Германии и царской империи, достигнутое за счет разорванной Польши, неизбежно кончится кровавым конфликтом между обоими контрагентами.

Заглянем теперь в какое-нибудь эссе Брюссельца из числа собранных в книге “Орёл и прочее” (или любой другой!). Необязательно об СССР. Довольно того, что он говорил об исламском терроризме во времена, когда многим казалось, что надо только упразднить Израиль, и проблема исчезнет. На страницах 160–161 парижского издания, после тщательного анализа одного из очередных угонов американского самолета и покорной, примиренческой реакции европейских правительств, Унгер в шести пунктах перечисляет те черты терроризма, понимание которых может помочь эффективной борьбе с ним. Он писал об этом в 1985 году. Человеку, который читает его сегодня, через шесть лет после 11 сентября 2001-го, приходит в голову грубая, но естественная мысль: если бы “Интернэшнл геральд трибюн” не прервала сотрудничества с Унгером (тот-де все время писал о несчастной Польше), возможно, эти советы вразумили бы американцев, и мир избежал бы кошмара?

Кто хочет, пусть назовет это наивностью. Но в Польше всё еще верят в силу разумного слова.

Текст одновременно выходит по-польски в сборнике, посвященном юбилею Леопольда Унгера (Люблин, изд. Университета им. Марии Кюри-Склодовской).

1. Речь идет о гибели и похоронах студента Станислава Пыяса, сотрудника Комитета защиты рабочих (КОР). – *Ред.*
2. Особняк кн. Адама Чарторыского, где собиралась “Великая эмиграция”. – *Ред.*

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• “Вчера в Лиссабоне лидеры 27 государств подписали конституционное соглашение Евросоюза (...) В соответствии с ним будет создана должность председателя Совета ЕС, которая в дальнейшем может быть преобразована в пост президента Европы. В Евросоюзе появится также должность министра иностранных дел, который будет именоваться верховным комиссаром. В его распоряжении будет многочисленный дипломатический корпус и многомиллиардный бюджет. Верховный комиссар будет иметь право не только координировать внешнюю политику, но и требовать проведения курса, совместно выработанного странами-членами ЕС (...) Для принятия европейского закона теперь будет необходима поддержка 55% государств ЕС при условии, что в них проживает 65% населения сообщества (...) Когда премьер-министр Дональд Туск и министр иностранных дел Радослав Сикорский подписывали соглашение, президент Лех Качинский смотрел на них с доброжелательной улыбкой. А спустя несколько секунд он сердечно пожал им руки”. (“Дзенник”, 14 дек.)

• “Польша вошла в Шенгенскую зону. В ночь с 20 на 21 декабря исчезли шлагбаумы на границах с Германией, Чехией, Словакией и Литвой. Паспортный контроль в аэропортах будет отменен не позже конца марта”. (“Тыгодник повсехный”, 6 янв.)

• “В пятницу утром президент Польши Лех Качинский и президент Литвы Валдас Адамкус символически открыли границу на переходе в Будзисках (...) В это же самое время премьер-министр Дональд Туск вместе с канцлером Германии и премьер-министром Чехии пилили деревянный пограничный шлагбаум на стыке границ Польши, Германии и Чехии. Торжества, в которых приняли участие председатели Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу и Европарламента – Ганс-Герт Поттеринг, прошли на польско-немецком пограничном пункте Пораюв-Циттау и менее чем в километре оттуда, на польско-чешском пограничном пункте Пораюв-Градек (...) „Когда мы с премьером Чехии перепиливали последнее препятствие, у меня было такое ощущение, что начинается

что-то по-настоящему великое, – сказал взволнованный премьер-министр Туск. – Никто лучше поляков, немцев и чехов не знает, какое огромное значение имеют эти наши последние взмахи пилы””. (“Жечпосполита”, 22-23)

• “28 фрагментов границы в виде предупреждающих и информационных табличек, а также шлагбаумов, будут проданы с аукциона, который совместно организуют „Газета wyborча” и „Польская гуманитарная акция” (ПГА). Доход ПГА предназначит на стипендии для детей беженцев. Фрагменты границы можно будет приобрести с 27 по 31 декабря (...) Кроме шлагбаумов на аукцион будут выставлены таблички с надписями „Комендант поста пограничной охраны”, „Пограничный контроль”, „Пограничная зона. Фотографировать запрещается”, „Государственная граница. Проход запрещен”, „Пограничная дорога. Въезд запрещен” (...) Мы хотим собрать деньги на стипендии для детей иностранцев, пытающихся получить в Польше статус беженцев. Только в 2007 г. об этом ходатайствовали более 7 тыс. иностранцев, 90% которых прибыли из Чечни”. (“Газета wyborча”, 20 дек.)

• “В будущем году украинцы не будут строить наши дома, ремонтировать квартиры или нянчить наших детей. Это цена, которую нам придется заплатить за вступление Польши в Шенгенскую зону (...)„Мы ожидали резкого падения числа гостей из-за Буга. Это большая потеря”, – говорит эксперт Фонда [им. Стефана] Батория Анита Шимборская. Причина состоит в навязанных Брюсселем высоких ценах на визы. За право приехать на три месяца в Польшу украинцы и россияне должны заплатить по 35 евро, белорусы – 60 (...) Одно из самых трудных условий получения разрешения на въезд – необходимость иметь соответствующие денежные средства на каждый день пребывания в ЕС (около 100 злотых). Польские консульства будут проверять, есть ли у потенциальных получателей виз страховой полис, обратный билет, приглашение от гражданина Польши”. (“Дзенник”, 21 дек.)

• “Мысль о том, что после нашего вступления в Шенгенскую зону польская граница с Россией, Белоруссией и Украиной уподобится той, прежней границе, не позволяет мне пить шампанское”. (Мартин Войцеховский, “Газета wyborча”, 24-25 дек.)

• “Перед польским консульством во Львове украинцы покупают чистые бланки приглашений и вписывают в них свои данные (...) Поветовые управы выдают [польским] фермерам незаполненные бланки, а фамилии желающих выехать вписываются уже на месте. Хотя украинцы, едущие в Польшу,

скорее всего, никогда не покажутся в указанном в приглашении хозяйстве, для фермера это не будет иметь никаких негативных последствий”. (“Дзенник”, 29–30 дек.)

- “С января Белоруссия будет требовать от поляков, следующих через ее территорию в Россию и другие страны СНГ, а также в Монголию и Китай, транзитные визы. До сих пор достаточно было виз страны назначения (...) позволявших находиться на территории Белоруссии 24 часа”. (“Газета выборча”, 22–23 дек.)

- “Строительство польско-российского пограничного пункта в Гжехотках обошлось в 116 млн. злотых. Еще 26 миллионов планируется предназначить на закупку техники: компьютеров, рентгенов и т.д. С польской стороны на пропускном пункте имеется 12 полос движения – шесть в российском направлении и шесть в обратном. В течение суток он может пропустить 6 тыс. грузовых автомобилей. Объект сдан в эксплуатацию в ноябре 2006 года. Тем не менее пока что через Гжехотки не проехала ни одна машина. Почему? Россия до сих пор не построила пропускной пункт со своей стороны. Там ничего нет (...) Переход не работает, но мы должны платить за его содержание миллион злотых в год”. (“Жечпосполита”, 21 дек.)

- “Закон о карте поляка вступит в силу 28 марта 2008 года. О получении карты могут ходатайствовать соотечественники, проживающие на территории бывшего СССР. Карта была введена, в частности, для того, чтобы облегчить им въезд в Польшу после вступления нашей страны в Шенгенскую зону – она дает возможность освобождения от оплаты за шенгенскую визу. Карта поляка будет действительна 10 лет, по истечении которых ее можно будет продлить. Владельцу карты предоставляется: 1) освобождение от обязательного для иностранцев разрешения на работу; 2) возможность вести хозяйственную деятельность на тех же условиях, что и польские граждане; 3) возможность учиться на тех же основаниях, что и польские граждане; 4) право на бесплатную медицинскую помощь при несчастных случаях; 5. 37-процентная скидка при оплате за проезд в общественном транспорте (...) Больше всего поляков живет на Украине (около миллиона), в Литве (325 тыс.) и в Российской Федерации (350 тыс.)”. (“Газета выборча”, 27 дек.)

- “Почти 28 тыс. злотых удалось заработать на продаже с аукциона сувениров с пограничных переходов (...) Доходы пойдут в стипендиальный фонд для детей беженцев (...) Стипендии на один школьный семестр в размере 100–250 злотых в месяц присудит специальная комиссия,

состоящая из представителей ПГА и Общества юридической помощи”. (“Газета wyborча”, 2 янв.)

• Янина Охойская, основательница ПГА: “Почему „Польская гуманитарная акция” отмечает 15-летие своего существования именно 26 декабря? В 1992 г. я поехала в Сараево и там впервые в жизни увидела, что такое война (...) Я вернулась в Польшу, но у меня ничего не было, никакой базы. Тогда я еще работала в лаборатории астрофизики ПАН в Торуни. Я встретила с Константы Гебертом из „Газеты wyborчей”. Он помог мне связаться с Томеком Ковальчевским с 3-й программы радио, который сразу же предоставил мне время в эфире (...) После этой передачи многие люди предложили мне свою помощь. Меньше чем за месяц мы собрали 12 грузовиков с предметами первой необходимости. Колонна машин выехала 26 декабря 1992 года. Оказалось, что нужно отправить еще одну колонну, так как накопились новые пожертвования. Во втором конвое погибла Шанталь Гоудино из Франции, сербские снайперы ранили двоих водителей (...) Мы решили продолжать помощь. Спустя год я получила звание „Женщина Европы” (...) После Югославии был Казахстан, Чечня (...) С 1993 г. мы помогаем беженцам, оказавшимся в Польше (...) С 2000 г. мы занялись репатриацией поляков из Казахстана. Потом была акция „Марионетка” по обеспечению детей питанием, помощь жертвам стихийных бедствий и войн в 35 странах, в последний раз – в Бангладеш. А ведь я должна была заниматься изучением звезд!” (“Газета wyborча”, 24-26 дек.)

• “Первый благотворительный фонд на польских землях возник в 1073 г. по инициативе князя Владислава Германа, который учредил его в благодарность за рождение наследника. Сегодня, согласно исследованиям Института социальной политики Варшавского университета, в Польше действует около 67 тыс. благотворительных организаций – фондов, обществ и товариществ. Деньги на свою деятельность они получают из разных источников. Около 60% составляют т.н. собственные средства, поступающие от учредителей, от продажи продуктов, найма, процентов. Четверть средств эти организации получают от государства. Лишь 16% поступлений составляют личные пожертвования граждан и предпринимателей”. (“Лонгина Гжегурска-Шпыт, “Ньюсуик-Польша”, 6 янв.)

• Проф. Эдмунд Внук-Липинский, социолог, ректор Collegium Civitas: “Почти двадцать лет спустя Польша продолжает оставаться собой, но это уже другая Польша. Это свободная страна в период экономического процветания. У нас есть

надежные союзники, мы можем свободно передвигаться в пределах огромного европейского пространства с одним лишь удостоверением личности в кармане (...) Зарплаты реально растут, как и благосостояние домашних хозяйств. Безработица уменьшается, а в крупнейших городах ощущается нехватка рабочих рук. Молодые поляки образованы гораздо лучше, чем старшие поколения. За последние две декады мы пережили настоящий скачок уровня образованности общества (...) Никогда в прошлом поляки не были так довольны (если не сказать счастливы), как сегодня (...) Последние выборы 21 октября 2007 г. стали (...) важной вехой по нескольким причинам. Вероятно, они были последним столь драматическим столкновением старого менталитета поляков с новым, старых навязчивых идей и страхов с новыми надеждами, пробужденными вступлением в Евросоюз и открытием Польши к миру. Кроме того, они стали ареной борьбы мифологизированного взгляда на мир, полного недоверия к чужакам и инакомыслящим соотечественникам, со взглядами людей, не комплексующих перед Европой и отличающихся высокой степенью терпимости к мировоззренческим различиям. Это было столкновение анахронического понимания национальных интересов (...) с их более прагматическим истолкованием в категориях сотрудничества, а также внутреннего и внешнего диалога. Наконец, это была кульминация спора между двумя стилями политики: между пониманием демократии как поля непрестанных, иногда провоцируемых сверху конфликтов (...) и пониманием диалогическим, для которого поиски консенсуса (...) между главными актерами политической и общественной сцены – важная цель внутренней политики”. (“Тыгодник повшехный”, 13 янв.)

- “Согласно всемирному опросу Института Гэллопа, в течение двух лет поддержка демократии в Польше снизилась на 14%. Из анкеты, которую заполнили 60 тыс. респондентов из 57 стран мира, вытекает, что лишь 70% поляков считают демократию лучшей системой правления. Два года назад в этом были уверены 84%”. (“Ньюсуик-Польша”, 16 дек.)

- Нил Ашерсон: “Проблема с демократией в период правления братьев Качинских заключалась в том, что они начали свой „долгий марш”, чтобы сменить целый ряд институтов, влияющих на политические процессы. Они пытались ослабить их или подорвать их деятельность, старались влиять на выбор судей, на процесс люстрации, силились запугать оппозицию и взять под контроль СМИ. Все это выглядело довольно зловеще. Теперь, после выборов, мы уже знаем, что польские избиратели

отвергли этот путь, заявив: эта система нам претит, она унижительна для Польши и опасна для нашей молодой демократии”. (“Ньюсуик-Польша”, 27 дек.)

- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, в январе поляки голосовали бы следующим образом: “Гражданская платформа” (ГП) – 54% голосов, “Право и справедливость” (ПиС) – 24%, “Левые и демократы” – 12%, крестьянская партия ПСЛ – 6%, “Лига польских семей” и “Самооборона” – по 1%. Избирательный барьер составляет 5%. (“Газета wyborcza”, 9 янв.)

- “В ноябре зарплаты в частном секторе повысились по сравнению с тем же периодом 2006 г. на целых 12% и в среднем перевалили за 3 тыс. злотых. В последний раз такой рост был отмечен в августе 2000 года. Уже несколько месяцев подряд масштаб повышения зарплат застаёт всех специалистов врасплох. Необходимость прибавок – результат высокого спроса на труд. В ноябре уровень занятости был на 5% выше, чем год назад. В то же время при уровне безработицы, упавшем ниже 10%, найти хорошего работника нелегко (...) Польской экономике не хватает четверти миллиона квалифицированных рабочих рук”. (“Жечпосполита”, 18 дек.)

- “Мы вошли в новый год с рекордной средней зарплатой. По данным Главного статистического управления (ГСУ), она уже превысила 3086 злотых (...) С другой стороны, половине трудящихся приходится довольствоваться 2,2 тыс. „грязными”, а заработки 10% близки к минимальной зарплате. На противоположном полюсе находятся 6,6% поляков, чьи зарплаты в два раза выше средней. Только каждый сотый зарабатывает больше 10 тысяч”. (“Политика”, 5 янв.)

- “Сотни тысяч поляков, работающих за границей, ежедневно посылают деньги своим близким (...) В 2007 г. был побит рекорд: в течение года эмигранты прислали в Польшу 3,5 млрд. евро, т.е. около 15 млрд. злотых. Это всего лишь на 3 млрд. меньше бюджетного дефицита нашей страны”. (“Дзенник”, 4 янв.)

- “Поляки (...) массово селятся за Одером (...) По некоторым оценкам, в последнее время дома в Мекленбурге и Бранденбурге купили около 2 тыс. поляков. Больше всего их живет в Пенкуне, Гарце и Лёкнице, где поселилось уже 200 польских семей. Последние несколько лет в Лёкнице работает немецко-польская гимназия”. (“Газета wyborcza”, 12 дек.)

- “В Польше растет число немецких работников (...) В нашей стране развернули деятельность около 7 тыс. малых и средних

предприятий из Германии. Желая работать в обеих странах, немцы все чаще регистрируют у нас единоличные фирмы (...) В прошлом году собственные фирмы зарегистрировали в Германии 43,4 тыс. поляков, заняв первое место среди иноязычных предпринимателей”. (“Впрост”, 13 янв.)

• “Такого роста благосостояния жителей деревни в Европе нет нигде, кроме прибалтийских государств. Согласно недавно опубликованным данным Евростата, за последние семь лет доходы польских фермеров увеличились почти на 110% (...) Из самой евроскептической части польского общества деревня превратилась в самую проевропейскую”. (“Дзенник”, 7 янв.)

• “Путь от 300 гусей к 320 тыс. кур Мирослав Свержевский преодолел за 22 года (...) В 1995 г. он начал свою карьеру в промышленном птицеводстве с 18 тыс. цыплят (...) Первые пять недель своей короткой жизни цыпленка быстро росли (...) Критической была шестая неделя, после которой они должны были попасть на птицебойню. „У них обнаружилась склонность к инфарктам”, – объясняет птицевод. При генетической установке на прирост мышечной массы малюсенькие сердечки более слабых цыплят были не в состоянии качать кровь (...) В курятнике почти все время стоит день, так как свет гасится только на час. Благодаря этому откормка происходит 23 часа в сутки (...), Нас связывают правила. У меня может быть максимум 17 цыплят на квадратный метр. В США сажают по 30, а в Германии – 25, и никаких проблем” [– говорит Свержевский]. „У птицы, которая за 42 дня из весящего несколько граммов цыпленка превращается в 2,5-килограммовую курицу, шансы выдержать собственный вес очень невелики (...) Их кости хрупки, как сухие палочки. Многие из этих цыплят, сев один раз, уже никогда не встают и в результате гибнут с голоду”, – объясняет Яцек Божек из экологической организации „Гайя” (...), „Чтобы в такой давке птицы не заклевали более слабых особей, им отрезают кончики клювов. Должно быть, это болезненная операция”, – переживает председатель Всепольской палаты птицеводов и производителей кормов проф. Станислав Венжик”. (Юлиуш Цвелюх, “Политика”, 15 дек.)

• “В этом году в Польше будет продано на 10% больше водки, чем в 2006-м (...) В 2007 г. поляки купят почти 200 млн. литров водки, потратив на это более 7,5 млрд. злотых (...) Большинство производителей водки считает, что 2008 год должен быть не хуже предыдущего. Продажа водки должна вырасти еще на 15% (...) Еще быстрее – более чем на 20% – должна вырасти продажа водки класса „люкс””. (“Жечпосполита”, 17 дек.)

• “Во всей Польше цены на землю растут непрерывно и все быстрее. С начала года они выросли в среднем на 15% (...) Недавно в щецинском отделении Агентства сельскохозяйственной недвижимости был установлен ценовой рекорд: 10 аров сельскохозяйственной земли были проданы за 234 тыс. злотых, что дает цену 2,34 млн. злотых за гектар (...) В среднем после трех кварталов 2007 г. цена гектара земли составляет 17,5 тыс. злотых (...) Агентство сельскохозяйственной недвижимости располагает 345 тыс. гектаров свободной земли. Больше всего ее там, где раньше были крупнейшие государственные хозяйства (...) В этом году на продажу предназначено 113 тыс. гектаров”. (“Жечпосполита”, 10 дек.)

• “Недоработанное строительное законодательство ставит под угрозу многомиллиардные дотации ЕС (...) Мы приводим свои законы в соответствие с европейскими с гигантским опозданием. Не хватает 99 законов. „Еврокомиссия возбудила против нас 94 формальных процедуры за нарушение законодательства ЕС”, – признаёт новый директор Управления комитета европейской интеграции Миколай Довгелевич (...) Еще в начале 2007 г. против Польши велось только 48 таких процедур”. (“Газета wyborча”, 10 янв.)

• “Европейский суд по правам человека заявил о недопустимости применения в Польше предварительного заключения, которое в некоторых случаях продолжается несколько лет, и потребовал от нашего правительства отчета и объяснений относительно заключенных (...) Судей ЕСПЧ удивил также тот факт, что за последние семь лет Польша заплатила лицам, обратившимся в суд с требованием компенсации за долгое предварительное заключение, в общей сложности миллион злотых (...) ЕСПЧ сообщил нашему правительству, что поступило 78 очередных жалоб польских граждан. 31 декабря 2007 г. в польских следственных изоляторах находились 204 человека, арестованных не менее года назад, которым до сих пор не предъявлено обвинение”. (“Дзенник”, 7 янв.)

• “Прошлогоднее улучшение ситуации на легальном рынке труда привело к незначительному уменьшению теневого сектора. По некоторым оценкам, в нем работают более 1,2 млн. человек – всего на 100 тысяч меньше, чем 14 лет назад”. (“Дзенник”, 3 янв.)

• “Десять польских городов решили проблему безработицы – она составляет в них менее 5%. Уровень безработицы в этих городах ниже т.н. естественного (4-5%) (...) В Сопоте безработица составляет 2,4%; в Гдыне – 2,5; в Познани – 3,0; в

Варшаве – 3,1; в Катовице – 3,4; в Гданьске и Кракове – по 3,9; в Ольштыне – 4,5; в Кросно – 4,7; во Вроцлаве – 4,8% (...) Уровень безработицы в Польше по-прежнему высок и кое-где превышает 30%. Более того, половина поляков вообще не работает”. (“Жечпосполита”, 29–30 дек.)

- “В декабре среднегодовая инфляция выросла в Польше до 4%. Сейчас она выше установленной Польским национальным банком (ПНБ) инфляционной цели и выше, чем ожидала Еврокомиссия”. (“Политика”, 12 янв.)

- “Уже несколько месяцев быстро дорожают продукты питания, топливо, алкогольные напитки и табачные изделия, а также рестораны и гостиницы. По подсчетам ГСУ, за год цены на “топливо для частных транспортных средств” выросли на целых 13,2%, а на “продукты питания и безалкогольные напитки” – на 7,6%. К счастью, многие другие товары и услуги дорожают медленнее”. (“Политика”, 22–29 дек.)

- “Вчера в Светлогорске был подписан меморандум об отмене российского эмбарго на мясо из Польши (...) Эмбарго на польское мясо и растительные продукты было введено Россией в ноябре 2005 года. Причиной послужили подделки российских ветеринарных и фитосанитарных сертификатов (...) Следствие показало, что польские фирмы к этому непричастны (...) Об отмене эмбарго на польские растительные продукты министр Марек Савицкий будет вести переговоры с министром сельского хозяйства России Алексеем Гордиевым”. (“Жечпосполита”, 20 дек.)

- “Как сообщил вчера пресс-секретарь Россельхознадзора Алексей Алексеенко, еще 29 польских предприятий получили сертификаты, необходимые для экспорта в Россию. В настоящее время разрешения на ввоз в Россию свинины, говядины, мяса домашней птицы, молока и молокопродуктов есть у 60 с лишним польских комбинатов (...) Выгоду от отмены российского эмбарго уже начинают ощущать польские крестьяне (...) Закупочные цены на убойный скот в Польше начали расти. По всей стране они поднялись на 3%”. (“Дзенник”, 28 дек.)

- “Россия удовлетворена готовностью Варшавы вести переговоры об элементах ПРО. „Предшественники министра Радека Сикорского игнорировали наши предложения относительно консультаций”, – сказал министр Сергей Лавров. Встреча Сикорского с Лавровым в Брюсселе не была замечена крупнейшими российскими СМИ”. (“Газета выборча”, 10 дек.)

• Адам Даниэль Ротфельд, сопредседатель польско-российской рабочей группы по трудным вопросам, бывший министр иностранных дел Польши: “Ситуация необычна: впервые в истории мы строим отношения с Россией, будучи членом большого сообщества. Уже хотя бы по этой причине правильно понимаемым национальным интересам Польши отвечает укрепление Евросоюза, экономика которого в пятнадцать раз сильнее, а население – в три раза больше, чем у России (...) В сопоставлении с Россией ЕС – это мощь, уступающая только с точки зрения ядерного потенциала. Однако какой толк от этого потенциала сегодня? Главная слабость ЕС – это отсутствие единства, поэтому мы должны особенно активно призывать к выработке единой внешней и оборонной политики. (...) [Надо] отстаивать политику взаимозависимости. Европа нуждается в России, а не только в ее ресурсах, но и Россия, возможно, даже в большей степени, нуждается в Западе (...) Сутью стратегии в отношении России должна быть конструктивная программа, предусматривающая соблюдение единых правил игры и взаимную ответственность за политическую, военную, энергетическую и экологическую безопасность в глобальных масштабах”. (“Тыгодник повсехный”, 23–30 дек.)

• “В списке вопросов, которые нужно решить с Россией, у польского правительства есть и газовый спор (...) Российский концерн платит за транспортировку газа по ямальскому газопроводу меньше, чем „Польская нефте- и газодобыча” (ПНиГ), которая тоже получает российский газ из этого газопровода (...) Спор касается ставок, которые, по мнению „Газпрома”, должны уменьшаться, а по мнению ПНиГ – гарантировать компании „ЕвРоПолГаз” соответствующую прибыль и давать ей возможность выплачивать кредиты. Компания взяла кредит на строительство Ямальского трубопровода в „Газпромбанке”, причем на маловыгодных условиях. Другая щекотливая тема – проект Балтийского газопровода (...) По мнению экспертов, эта инвестиция носит скорее политический, нежели экономический характер: ее стоимость значительно превысит стоимость прокладки трубопровода вдоль первой нитки Ямальского газопровода”. (“Жечпосполита”, 31 дек. – 1 янв.)

• Премьер-министр Дональд Туск: “Мы должны узнать, почему Россия заинтересована в балтийском проекте, который в три раза дороже, чем трубопровод через Польшу”. (“Ньюсуик-Польша”, 13 янв.)

• “По новому соглашению, до конца 2010 г. по трубопроводу с Украины в окрестности Грубешова будет ежегодно поступать до

9 млн. кубометров газа. В 2006 г. ПНиГ импортировала по этому трубопроводу около 4 млн. кубометров газа (...) Согласованные поставки с Украины составляют не более 0,1% всего импорта ПНиГ (...) А всего по этому газопроводу можно было бы поставлять до 1 млрд. кубометров газа в год”. (“Газета выборча”, 29–30 дек.)

- “Вчера группа „Лотос” сообщила, что зависящая от нее компания „Петробалтик” начала эксплуатацию месторождения В8 на Балтийском море, отдаленного на 68 км от береговой линии на высоте Хельского полуострова”. (“Жечпосполита”, 20 дек.)

- “Российский МИД возмущен опубликованным в среду в „Жечпосполитой” интервью с лидером чеченских сепаратистов Ахмедом Закаевым (...) Интересно, почему интервью, напечатанное в независимой газете, должно влиять на межгосударственные отношения? (...) Свобода печати заключается, в частности, в представлении читателю взглядов спорных фигур. Мы охотно взяли бы интервью у Александра Лукашенко, которому запрещено въезжать в Евросоюз, а также у Фиделя Кастро и Роберта Мугабе. В своем заявлении пресс-секретарь российского МИДа называет Закаева „обвиняемым в терроризме”. Этих обвинений не подтвердил британский суд, в беспристрастности которого не сомневается никто в Европе. Закаев получил в Великобритании политическое убежище”. (Ежи Хащинский, “Жечпосполита”, 14 дек.)

- “Дзержинский был белорусом, а не поляком. Так утверждает белорусский КГБ, который по случаю 90-летия своего существования решил открыть правду о создателе советской госбезопасности (...) Историки КГБ пришли к выводу, что дома создатель ЧК говорил по-польски и по-белорусски (...) Белорусское происхождение Дзержинского подтверждает также тот факт, что распространенный в мире образ кровавого палача не укоренился в Белоруссии”. (“Газета выборча”, 20 дек.)

- “Белорусские актеры, изгнанные из государственных театров, играют в телевизионной постановке пьесы, включенной в лукашенковский „черный список”. Спектакль покажет телевидение „Белсат” (...) Телеканал „Белсат”, предназначенный для белорусов, был создан в Польше (...) Сейчас он вещает три часа в сутки (с пяти до восьми вечера по польскому времени), в дальнейшем планируется довести время вещания до 18 часов (...) Главная информационная программа называется „Объектив”, основные публицистические передачи – это „Форум” (...) (в работе над которым участвует Литовское телевидение) и „Неделя со “Свободой”” (эксперты радио

„Свобода” комментируют главные события) (...) В создании передач на белорусском языке участвуют сотрудники ТВП и оппозиционные белорусские журналисты. Первый [белорусский] спектакль Театра телевидения – это трагикомедия Янки Купалы (1882–1942) „Тутошние” (...) Купала был сторонником независимости Белоруссии (...) Он погиб при невыясненных обстоятельствах, скорее всего был убит НКВД (...) Недавно белорусское министерство образования исключило пьесу Купалы из школьной программы”. (Моника Жмиевская, “Газета выборча”, 10 дек.)

• Татьяна Косинова, сотрудница “Мемориала”: “Во многих разговорах, в которых я участвовала, всплывала тема „Солидарности”. Многие с волнением вспоминают тот период истории Польши (...) „Солидарность” была как глоток свежего воздуха – многие русские смотрели на вас. „В Польше получилось, значит, есть надежда” (...) Важно было также то, что „Солидарность” создали рабочие, а мы жили в уверенности, что социализм и коммунизм мы строим как раз во имя рабочего класса. В России никто не говорил о правах рабочих. Польша показала нам, что рабочие и интеллигенция могут сотрудничать (...) Недавно я увидела российского Валенсу – это был лидер профсоюза шахтеров (...) Меня радует, что в России, в районах, где есть рабочие, возникают такие движения. У них даже то же самое название – „Солидарность””. (“Тыгодник повсехный”, 6 янв.)

• “Вышел второй номер журнала „Тайны мира. Мир удивителен”, издаваемого антисемитом Лешекком Бубелем. Тираж 200 тыс. экземпляров, цена – 9,90 зл. Журнал можно приобрести в почтовых отделениях (...) „Мы написали руководству нашей фирмы письмо с требованием прекратить его продажу, – говорит Бартош Канторчик из почтового профсоюза „Рабочая инициатива”, один из лидеров недавней забастовки почтальонов. – Почта – это общественно полезное предприятие, она не может заниматься распространением расистской литературы. Я убеждаю своих сослуживцев не разносить этот журнал и не продавать его в отделениях связи””. (“Газета выборча”, 21 дек.)

• “Протест почтальонов, выступивших против распространения Польской почтой антисемитского журнала Лешека Бубеля, возымел действие. „Такие сомнительные издания нам не нужны. Мы изымаем из продажи имеющиеся экземпляры и не будем заказывать новых”, – сказал пресс-секретарь почты Радослав Казимерский (...) Казимерский подчеркнул, что почта не будет распространять журнал, в

частности, из-за того, что его негативно оценили ее работники”. (“Газета wyborcza”, 24-26 дек.)

- В мире живет около 200 тыс. амишей, в Польше – только одна семья. “Опыт амишей из деревни Тентива, которых местная общественность безоговорочно приняла, показывает, что при непосредственном контакте с „чужими” социальная дистанция уменьшается. Лучший метод освоения с чуждым – это опыт”, – говорит социолог Бартломей Валясек из Высшей школы педагогики перевоспитания. (“Жечпосполита”, 29-30 дек.)

- “Вчера у польских мусульман начались торжества в честь праздника жертвоприношения Курбан-байрам, одного из важнейших в исламе. В Подлесье, где живет больше всего польских мусульман татарского происхождения, праздник проходил, в частности, в старинной мечети в Бохониках (...) Мусульманский религиозный союз Республики Польша насчитывает около 5 тыс. членов”. (“Дзенник”, 21 дек.)

- “Более 200 человек молились на рождественской литургии в церкви св. Марии Магдалины в Праге [правобережный район Варшавы]. Литургию совершил глава польской православной Церкви митрополит Савва (...) По некоторым оценкам, в Варшаве живет 5 тыс. православных”. (“Жечпосполита”, 7 янв.)

- “Они поднялись на гидроподъемнике и зажгли девять ламп на меноре, огромном подсвечнике, установленном на площади Парадов. Вчера Хануку, один из главных и самых веселых еврейских праздников, праздновали президент Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц, посол Израиля Давид Пелег и вице-премьер Вальдемар Павляк (...) Варшава была одним из 11 тыс. городов в мире, где зажегся „свет свободы””. (“Газета wyborcza”, 10 дек.)

- “Семеро поляков удостоились вчера одного из самых почетных званий – „Праведник среди народов мира”. Звание это присваивается людям, помогавшим евреям во время II Мировой войны (...) На этот раз его получила Любомира Карвовская, а также (посмертно) ее родители Мирослава и Зигмунт Уггла, муж Хьялмар, граф Ян Гуттаковский и его жена Анна. Они спасли жизнь пятидесяти с лишним людям. „Все они герои – не только Израиля, но и Польши”, – сказал посол Израиля в Польше Давид Пелег (...) С инициативой присвоить им почетное звание выступил один из спасенных, Касс Леварт (Казимеж Левартович)”. (“Дзенник”, 17 дек.)

- “Медаль им. Флоренс Найтингейл – высшая награда, какой может удостоиться медсестра. В этом году медали вручены

двум медсестрам из Варшавы (...) Уже почти сто лет подряд (...) медаль присуждает Международный комитет Красного Креста (...) Камила Лукашевич организовала медпункт во время Варшавского восстания (...) После войны она работала по специальности и занималась подготовкой медсестер (...) Вторая лауреатка, Анна Гинальская, написала несколько пособий по уходу за больными. Она обучала своей профессии в Лаосе и Нигерии (...) Медаль была учреждена в честь Флоренс Найтингейл, которая во время Крымской войны организовала уход за ранеными британскими солдатами”. (“Жечпосполита”, 10 дек.)

- “В настоящее время в разных уголках мира служат 3,5 тыс. польских солдат. В конце октября 900 из них вернутся из Ирака, но зато другие подразделения попадут в такие места, по сравнению с которыми Ирак может показаться спокойным оазисом (...) Иракская миссия стоила жизни 26 полякам (...) В конце апреля – начале мая мы пошлем в Афганистан еще 400 солдат (сейчас их там 1200, один погиб). В конце февраля – начале марта 350 поляков должны начать службу в Чаде в рамках миссии Евросоюза (...) Опасности могут подвергнуться и поляки, служащие в Косове, – 300 военнослужащих и полицейских”. (“Жечпосполита”, 2 янв.)

- “Вчера премьер-министр Дональд Туск нанес визит польским военным в Ираке (...) „В 2008 г. мы завершаем нашу миссию в глубоком убеждении, что польские солдаты с лихвой выполнили свой долг, сделали это очень хорошо, совершили больше, чем кто-либо мог ожидать, когда мы ее начинали”, – сказал премьер-министр”. (“Газета wyborcza”, 20 дек.)

- “В прошлом году из армии уволилось 5 тыс. профессиональных военных (...) Сейчас в армии уже около 12,5 тыс. вакансий. Людей не хватает практически во всех родах войск, на разных должностях (...) Уходят профессионалы, окончившие военные училища, которые без труда находят себе работу на гражданке”. (“Жечпосполита”, 11 янв.)

- Две золотых и три серебряных медали завоевали наши школьники на I Международной олимпиаде по астрономии и астрофизике, проходившей с 30 ноября по 9 декабря в тайландском городе Чанг-Май. Среди 87 школьников из 21 государства было пять представителей Польши. (“Дзенник”, 11 дек.)

- “Международное обследование PIRLS-2006 („Progress in International Reading Literacy Study”) – это самый репрезентативный в мире анализ качества чтения у учащихся

начальных школ. В исследовании, проведенном специалистами Бостонского колледжа, участвовало 215 тыс. выпускников четвертых классов из 45 стран. Лучшими оказались россияне (...) Польша впервые приняла участие в обследовании. 29-е место – это предупреждение нашим школам. Другие европейские страны опередили нас”. (“Жечпосполита”, 11 дек.)

• “Начиная с 1991 г. польский книжный рынок вырос в десять раз. В прошлом году доходы издательств побили все рекорды, было издано почти 13 тыс. новых наименований (...) Разумеется, бóльшая часть рекордных доходов (2490 млн. злотых) пришлось на профессиональные издания (по праву, бизнесу и информатике), словари, энциклопедии и учебники”. (“Газета wyborча”, 8 янв.)

• Дариуш Л. Шляхетко: “Я описал около тысячи новых видов и 80–100 новых родов орхидей. Я принадлежу к первой десятке орхидологов мира. Большинству моих коллег уже по 80 лет, а мне только 46. Может, я их еще перегоню? (...) В Польше растет всего 50 видов орхидей. Столько же можно без труда найти на одном дереве в Эквадоре. В Андах растет четверть всех видов орхидей. Я был во Французской Гвиане, Перу и Эквадоре. Больше всего видов растет в Эквадоре. К сожалению, окружающая среда в этой стране уничтожается в устрашающем темпе. За последние 40 лет площадь лесов уменьшилась там на одну пятую (...) Вырубка и выжигание леса – это катаклизм экосистем, формировавшихся миллионы лет”. (“Газета wyborча”, 19 дек.)

• Новогодние пожелания Адама Вайрака: “Дорогие читатели! Поскольку это первый фельетон в 2008 году, я желаю вам всего самого лучшего (...) Желаю вам, чтобы политики наконец поняли, что болота Роспуды нельзя уничтожить, а объездную дорогу вокруг Августова надо проложить в другом месте; что нельзя продолжать вырубку Беловежской пуши и в конце концов ее нужно будет превратить в национальный парк; что Татры не могут быть вытоптаны и туристическое движение в них надо ограничивать, а не увеличивать. Желаю вам, чтобы закончилось никому не нужное уничтожение придорожных деревьев на Мазурах и в западной Польше – ведь именно придорожные аллеи придают этим регионам неповторимый характер; чтобы те, кто несет за это ответственность, наконец отказались от работ и планов по выпрямлению крупных и мелких рек – регуляция и плотины ничуть не помогут защититься от наводнений”. (“Газета wyborча”, 2 янв.)

• “Защитники животных борются за сохранение минимальных условий перевозки и продажи рыб (...) „Каждый год мы

документировали условия продажи и посылали данные в прокуратуру, чтобы она возбудила дело об издевательствах над животными. Безрезультатно”, – рассказывает Дарек Гзыра из общества „Эмпатия” (...) Прокуроры ссылаются на отсутствие предписаний о том, как должны выглядеть разведение рыб и торговля ими. „Мы обратились к министру сельского хозяйства с просьбой выдать такие предписания. Он обязан сделать это согласно директиве Евросоюза 98/58/WE, – говорит Яцек Божек из клуба „Гайя”, – (...) У нас есть правовая экспертиза, свидетельствующая, что если Польша не зачислит рыб в категорию сельскохозяйственных животных, то нарушит законодательство Евросоюза. Чтобы добиться этого от правительства, мы готовы воспользоваться тем же методом, что и в случае долины Роспуды, – подать жалобу на нарушение законодательства ЕС в Еврокомиссию””. (Эва Седлецкая, “Газета wyborcza”, 19 дек.)

- “Двое мужчин утонули в Кортковском озере в Ольштыне, пытаясь спасти тонущую собаку, которая провалилась под лед”. (“Газета wyborcza”, 31 дек. – 1 янв.)

- Ванда Дейнарович, сотрудница варшавского приюта для бездомных животных “На Палюху”: “В Новый год к нам привозят на 30–40% больше животных, чем обычно. Поэтому в первые дни нового года мы не отдаем животных всем желающим, а лишь возвращаем потерявшихся”. (“Жечпосполита”, 31 дек. – 1 янв.)

- “20 тыс. варшавян, встречавших Новый год на площади Парадов, – это очень хороший знак. В 2004 г. их было только 12 тысяч, годом раньше – 5 тысяч (...) Последние два года (2005–2006) никаких мероприятий на площади вообще не проводилось”. (“Дзенник”, 2 янв.)

- “Взрыв популяции лис в Варшаве (...) В общей сложности в городе постоянно живет 600–700 лис. Это в шесть раз больше, чем в 70-е годы”. (“Дзенник”, 10 янв.)

- Французский публицист, экономист и политолог Ги Сорман: “По данным Всемирного банка, в 2007 г. общее число жителей городов впервые за всю историю человечества превысило число людей, живущих в деревне (...) В 2007 г. природа проиграла... однако имя победителя все еще неизвестно”. (“Дзенник”, 27 дек.)

Наталья Горбаневская

АХМАТОВА ПОМОРСКОГО

Анна Ахматова. Путем вся земля. Поэзия. Проза. Драма. Выбрал, перевел [на польский] и комментариями снабдил Адам Поморский.

[Варшава], научное и литературное издательство “Опел”, [2007]. 795 с.

Уже в приведенных здесь выходных данных сделанное переводчиком указано не во всей полноте (подозреваю, впрочем, что формулировка “выбрал, перевел и комментариями снабдил” принадлежит самому Поморскому). Во-первых, не только “комментариями”, но в большинстве случаев (ко всей прозе и к драме “Энума элиш”) — “комментариями и примечаниями”. В отличие от общепринятого отнесения всего этого аппарата в конец, здесь они следуют за каждой строкой содержания. Само это содержание стоит привести целиком (опуская вышеупомянутые комментарии): чтобы русский читатель мог себе представить, что получил читатель польский.

Коротко о себе

Стихотворения

Поэма без героя

Энума элиш

Из “Прозы о поэме”. Из “Прозы к поэме”

Pro domo sua. Листки из дневника

Из воспоминаний о Мандельштаме

Амедео Модильяни

И самое неожиданное: когда терпеливый читатель уже дочитал всю книгу, вплоть до содержания, а нетерпеливый, пробежав по диагонали, просто заглянул: а что там дальше (а что может быть дальше содержания?), он обнаруживает на чистой странице, правой странице чистого разворота, словно прощание, — двустилишие (в польском переводе, естественно):

Непогребенных всех — я хоронила их,

Я всех оплакала, а кто меня оплачет?

Такое мощное заключительное ударение в книге, вынуженное из контекста и в то же время организующее контекст, сильно расширяет восприятие и понимание. (Я, конечно, вместо скучных слов “сильно расширяет восприятие и понимание” хотела написать “... — это вам не хухры-мухры”, но сомневаюсь, оценит ли редакция.)

Напоследок переводчик “снабдил” книгу — и это, может быть, главное во всем “снабжении” — обширным, на сто с лишним страниц, послесловием “Анна всея Руси” — по сути дела ученым, хотя не по-ученому эмоциональным, трудом об Анне Ахматовой, ее творчестве и поэтике. Одну, первую и самую принципиальную главку этого послесловия я перевела и предлагаю читателям “Новой Польши” — хотя бы для того, чтобы не пересказывать. Идея о том, что “Ахматову надо читать с конца”, то есть читать раннюю Ахматову в свете поздней, выглядит настолько очевидной, что удивителен приоритет Поморского (по крайней мере — прямо в такой формулировке). Тот факт, который отметила еще сама Ахматова и который в наши дни стал общим местом ахматоведения: что Недоброво в своей статье 1914 года (опубликована в 1915 м) говорит о ней *пóзней*, о той, которой еще как бы не было — но, значит, уже была! — в формулировке Поморского инвертирован, опрокинут: не просто усматривать в ранних книгах какие-то зачатки будущей Ахматовой, ее эволюции, а с помощью телескопа (или перископа) позднего творчества прямо видеть единство всего ее пути. Сам путь поворачивать в обратную сторону. То есть вдобавок к ахматовскому “Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет” появляется еще одна инверсия: так в грядущем прошлое зреет.

Уже первый комментарий к стихам — к стихотворению “Хорони, хорони меня, ветер...” из книги “Вечер” — начинается словами: “Ввиду ключевых мотивов более позднего творчества поэтессы существенен жанровый характер этого юношеского стихотворения: монолог умершей”. И следующий, к стихотворению “Три раза пытаться приходила...”: “В ранней, неоромантической форме здесь выступают ключевые для Ахматовой мотивы: дурного сна, из которого возникает негативный двойник лирического субъекта”.

Сон во сне — к этому всё идет. Если “Поэме без героя” Поморский посвятил сравнительно небольшой комментарий, отсылая читателя к ахматовской прозе “о” и “к” поэме, плюс, разумеется, важную аналитическую главку в своем

послесловии, то с драмой “Энума элиш” (в одном из вариантов — с подзаголовком “Пролог, или Сон во сне”) переводчик разбирался сам. Конечно, тоже главка в послесловии, но кроме того текст (с вариантами) завершается еще несколькими фрагментами из записных книжек Ахматовой и затем краткой характеристикой драмы, из которой выберу лишь важнейшее:

„Пьеса эта по сознательному замыслу поэтессы соединяет известный ей с молодости опыт гротескного “театра для себя” — иронической театральной мистерии Мейерхольда и Евреинова (а следовательно, и подвала “Бродячая собака”) с уже современным театром абсурда, с восприятием Кафки (особенно “Процесса”) и с автотематическим романом, т.е. романом, изображающим процесс собственного становления.

Сам текст произведения соотносился и переплетался с главными произведениями позднего периода творчества Ахматовой: с “Поэмой без героя”, а также сопутствовавшей ей “Прозой о поэме” и фрагментарными набросками балетного либретто на канве “Поэмы”, с “Северными элегиями” и с лирическими циклами “Cinque” и “Шиповник цветет (Из сожженной тетради)”, связанными с мотивом Гостя из Будущего. (...) ...сегодня трудно окончательно установить, что такое наброски, извлеченные издателями из папки, сохранившейся в наследии поэтессы, — варианты ли, предназначенные для дальнейшей обработки и отсева, после сожжения пьесы в сороковые годы восстанавливавшиеся автором под конец жизни по памяти — своей и ранних читателей, или же это записи сцен, сознательно повторяемых, различающихся всё новыми деталями, на манер упомянутого в последней записи [из записных книжек, от 20 февр. 1966] “В прошлом году в Мариенбаде”. Как ни говори, а такой характер одержимости возвратами носило всё позднее творчество Ахматовой — начиная с “Поэмы” и “Северных элегий” и кончая “Энумой элиш”, вышеназванными лирическими циклами и “Листками из дневника””.

В связи с этим перед переводчиком встала та же головомная проблема, которую так или иначе приходится решать составителям русских изданий, где драма “появилась не меньше чем в трех разных составах, скомпонованных из рассеянных рукописей автора”. На основе этих публикаций Поморский составил текст (как я уже отметила, с вариантами), с которого делал перевод.

В этом кратком комментарии Поморский обещает более глубокий анализ драмы в рамках статьи “Анна всяя Руси”. И обещание выполняет. Но, что характерно для его подхода, начав

главку со ссылки на знаменитую статью Недоброво, он замечает, что “критик в поисках истоков поэзии Ахматовой игнорирует театр”. И далее следует подробный — но не отходящий от предмета, от Ахматовой, — рассказ о русском театре 10 х годов, о “Бродячей собаке”, о возрождении в ту эпоху русских традиций лицедейства. “Понятие это [лицедейство], — пишет Поморский, — живо в ахматовском контексте: в стихотворении, написанном при известии о мученической смерти Гумилева и слухе о самоубийстве Ахматовой, Хлебников наделил себя титулом Одинокого лицедея, возвращаясь к воспоминаниям 1915 года и прямо называя Ахматову”. В спектакле кузминского “кукольного вертепа” (Рождество 1913) Поморский отмечает “союз вертепа и мистерии”, о котором после спектакля писал в “Аполлоне” Сергей Ауслендер и который важен и для драмы “Энума элиш”. Один из выводов, к которым приходит здесь переводчик, таков:

„В “Бродячей собаке” расположен центр мира всей “Энумы элиш” — от вавилонской мистерии до современной политической пародии и любовной арлекинады театральных кулис и сомнамбулических привидений, среди которых блуждает “Гость из будущего”, постепенно теряя черты Исая Берлина. Из “Бродячей собаки” и выводится эта поэтика иронии, замаскированной насмешки, пародии, передразнивания, маскарадного переодевания и, что интересно, скандала (через Достоевского отсылающая к Данте), которая стала подспудной поэтикой акмеизма, — особенно существенная для Ахматовой — как под конец жизни в ее “мистерии для себя” и в “скандальных” антимемуарах, где даже эпохальный для поэтессы и, в конце концов, отождествленный с началом “холодной войны” доклад Жданова является в красках скандала в коммунальной квартире””. Остановлюсь на этом. До конца главки (последней в статье) еще страницы и страницы. Глубокий анализ драмы “Энума элиш”, или “Пролог”, или “Сон во сне” и все послесловие заканчиваются загадочной фразой:

“Процесс перед судом памяти длится вечно, приговор на нем — гороскоп”.

Хотелось бы в заключение сказать несколько слов и о поразительном качестве переводов. Увы, могу лишь дать честное слово, что переводы прекрасны, а многие стихи казались мне просто написанными Ахматовой... по-польски. Если б она написала по-польски, то так бы и написала.

Чтобы не быть совсем уж голословной, приведу по-польски восемь строчек (мучительно любимых) из Эпилога “Поэмы без

героя”, знаменитый врез частушечного ритма в вереницу
“ахматовских строф”: “За тебя я заплатила / Чистоганом...”.
Вот перевод Адама Поморского:

Ja za ciebie uiściłam

Hojny datek,

Pod naganem przechodziłam

Dziesięć latek,

W prawo, w lewo — ani kroku,

Jasna sprawa:

I szeleści za mną z boku

Marna sława.

ПОЭТИКА ИНВЕРСИИ

Первая главка послесловия переводчика к книге:

Анна Ахматова. Путем вся земля

Ахматову надо читать с конца. Все ее творчество, когда глядишь в перспективе последних крупных произведений — прежде всего тех, что писались в эвакуации в Ташкенте, а потом до самого конца жизни: абсурдистской драмы “Энума элиш” и “Поэмы без героя”, — выглядит несущим подспудное ощущение абсурда, общую тональность определяет ирония, а поэтика всего творчества управляется законами гротеска. Ироническими и гротескными были уже самые ранние стихи Ахматовой, с их макабрически-колдовскими мотивами, но и с такой, к примеру, знаменитой строфой:

Так беспомощно грудь холодела,

Но шаги мои были легки.

Я на правую руку надела

Перчатку с левой руки.

Иронична в ранних стихах женственность, образ которой современники считали главным новшеством Ахматовой в русской поэзии; ироничен эротический спектакль пола, созерцаемый из саркастического отдаления (которое пропадает в польских переводах). Как в вышеприведенной цитате, это не только и не столько лирический фрейдизм, сколько иронический гротеск мертвого двойника, воплощенного в мертвые предметы. В исходной точке теоретической посылкой лирики Ахматовой стали психологические концепции Бергсона: отмена оппозиции субъекта и объекта — а следовательно, и отмена абсолютности противостояния мертвых вещей и живых существ; image “чистого” — ни субъективного, ни объективного — опыта, не так далеко отстоящий от Гуссерлевского эйдоса; самонаблюдение, которое позволяет интуитивно уловить в непрерывности перемен непрерывность длительности в “живом” времени, длительности, не расчлененной на дискретные фрагменты пространства косной материи; следовательно, признание временного, а не пространственного характера жизни. Однако

время, не ограниченное пространством, само ему уподобляется: аксиологической основой становится память, а архитектурным горизонтом свободы — будущее, предвидением которого служит по самой своей природе сознание.

Это исповедание веры сохранялось у Ахматовой вплоть до последнего сборника стихотворений, изданного в 1965 г. (в изувеченном цензурой виде) под знаменательным, но незаметным заглавием “Бег времени”.

Эта бергсоновско-гуссерлианская атмосфера окружала будущую поэтессу очень рано. В эпоху “русского возрождения” начала XX века это не удивительно. Влияния шли и из среды поэтов (символистов — не всегда намного старших по возрасту, но старших на одно культурное поколение), и из близко связанной с ней среды философов и мыслителей, к которым, в частности, принадлежал учитель Ахматовой в последнем классе знаменитой Фундуклеевской гимназии в Киеве (в 1906/1907 учебном году) Густав Шпет, выдающийся философ, психолог, главный в России популяризатор и продолжатель гуссерлианства и одновременно герменевтик *avant la lettre*.

Живописное свидетельство соученицы по гимназии стоит привести и для понимания юношеских истоков этого мировоззрения, которому поэтесса сохранила верность до самой смерти:

„Урок психологии в выпускном (седьмом) классе Киево-Фундуклеевской женской гимназии. Предмет трудный, но преподается он интересно — учитель Шпет, Густав Густавович, заставляет задумываться над рядом вопросов, сложных для нас, юных девушек, и на многое, бывшее прежде неясным, туманным, проливается яркий свет.

Сегодня урок посвящен ассоциативным представлениям. Густав Густавович предлагает нам самостоятельно привести ряд примеров из жизни или из литературы, когда одно представление вызывает в памяти другое. Дружным смехом сопровождается напоминание, как у мистрис Никльби из романа Диккенса “Николас Никльби”, пользовавшегося у нас тогда большим успехом, погожее майское утро связывается с поросенком, жаренным с луком. И вдруг раздается спокойный, не то ленивый, не то монотонный голос:

“Столетия-фонарики! О, сколько вас во тьме,

На прочной нити времени, протянутой в уме!”

Торжественный размер, своеобразная манера чтения, необычные для нас образы заставляют нас насторожиться. Мы все смотрим на Аню Горенко, которая даже не встала, а говорит как во сне. Легкая улыбка, игравшая на лице Густава Густавовича, исчезла.

“Чьи это стихи?” – проверяет он ее. Раздается слегка презрительный ответ: “Валерия Брюсова”. О Брюсове слышали тогда очень немногие из нас, а знать его стихи так, как Аня Горенко, никто, конечно, не мог. “Пример г-жи Горенко очень интересен”, – говорит Густав Густавович. И он продолжает чтение и комментирование стихотворения, начатого Горенкой. На ее сжатых губах скользит легкая самодовольная улыбка. А мы от желтых квадратных фонарей переносимся в далекий знойный Египет. И мистрис Никльби с ее майским утром и жареным поросенком кажется нам такой неинтересной и обыденной”.

Лирическая психология из ранних стихов с годами уступает место истории, однако сохраняется торжество времени над пространством, во всех снах и видениях находимое превосходство памяти и будущего (выходящих за предел индивидуальной жизни) над материальным настоящим, населенным гротескными, мертвыми двойниками. Гротеск и пророческая сила Ахматовой вытекают, таким образом, из общих истоков.

На примере творчества этой поэтессы — уникального по временному размаху (более полувека: 1909–1965) — можно, кстати, проследить развитие нового гротеска. От стаффажа раннемодернистских гибридов, мотивированных отсылками к фольклору и литературным традициям, через такой, как в вышеприведенном примере с перчаткой, разрыв непрерывности, расчленение психологического опыта (символ этого четвертования, начиная с ранних стихов, — мотив усекновения главы, один из ключевых в творчестве Ахматовой); через инверсию отношений, господствующих в мире мертвых вещей и живых явлений; через обогащение объективной действительности видениями и снами — страшными и ироническими в своей анамнезии; через нарастание акмеистического повествовательного разрушения иллюзии (вплоть до пародии автобиографизма) и усиливающейся интертекстуальной пародии (увенчанием которой стала “Поэма без героя”) и вплоть до абсурда и лингвистического гротеска шизоидального “монолог” расчлененного “я”, исследованием которого стали драма

“Энума элиш” и господствующие в поздних стихах Ахматовой вылазки “по ту сторону зеркала” (по примеру “Алисы в Зазеркалье”).

Если истории придают смысл память и будущее, то в жизненном, “живом” времени всё больше места занимает их синтез: память будущего. Эта “прапамять” (заимствуем понятие у Гумилева) — отнюдь не мотив метемпсихоза, некогда популярный в европейском модернизме, и не только парадокс. В исторической действительности, которая живьем превращается в обряд из года в год повторяемой трагедии Террора (то есть античного дна ада — ассоциация, у русских модернистов живая), эта память будущего из парадоксальной становится абсурдной, ибо что такое абсурд, как не трагедия, которая повторяется. Повторяется, как отражение в зеркале: заключение в зеркалах — это пространственная метафора пребывания в действительности Террора, выведенная Ахматовой из фантазмагорических реалий разделенного на коммунальные, перенаселенные квартиры дворца графов Шереметевых, в котором поэтесса прожила сталинские четверть века. С точки зрения абсурдной мистерии истории своя былая жизнь становится “предысторией”. *Vorgeschichte* предшествует *Geschichte*, как существование предшествует сути.

Суть, существо этого творчества в его второй половине (считая от пограничного 1940 года, когда вместе с окончанием “Реквиема” и стихов, связанных с ним тематически и хронологически, завершается первая эпоха Ахматовой) — не что иное, как инверсионное вспоминание будущего. Как говорит поэтесса во “Вступлении” к “Поэме без героя”: “Из года сорокового, / Как с башни, на всё гляжу, / Как будто прощаюсь снова / С тем, с чем давно простилась, / Как будто перекрестилась / И под темные своды схожу”.

Первые поэтические инвокации (“Пятнадцатилетние руки...”, “Путем всея земли”) закладывают фундамент памяти-совести в 1905 году. Это память того первого “потрясения на всю жизнь”, как десятилетия спустя записала поэтесса. Здесь можно также предположить влияние подобных инвокаций первой памяти в важной для современников поэме Пастернака “Девятьсот пятый год” (при этом заметим, что под конец жизни, уже после “Доктора Живаго”, Ахматова как нечто самое существенное подчеркивала свое недоумение перед тем, что Пастернак никогда ничего не вспоминает). Однако подлинной параллелью к этому как историческому, так и поэтическому 1905 году оказывается “Девятьсот тринадцатый год” в заглавии

первой части “Поэмы без героя”. Тут завязан узел: память сплетается с совестью.

“In my beginning is my end”: во времени, бег которого обращен с тех пор, как жизненный порядок подчиняется порядку абсурдной мистерии, которая обращает трагедию в пародию (в “вертеп” — по еще довольно простой формулировке 1935 года), этот заглавный год оказывается началом, от которого отсчитывается конец. Новый 1941 год переворачивает порядок своих цифр, становится Новым 1914 годом — началом эпохи, которой предстояло стать XX веком, тем “настоящим”, “не календарным”. Длинная тень будущего ложится на настоящее, а настоящее оказывается длящимся прошлым. Инверсия из “Четырех квартетов” Элиота, который ради своей поэмы и собственного надгробия перевернул девиз на гербе Марии Стюарт (“In my end is my beginning” — на гербе, впрочем, по-французски), послужила Ахматовой не только в “Поэме без героя” как эпиграф, но и в жизненной борьбе с двойником. Мария Стюарт была ее — обезглавленным — двойником, особенно ненавистным, ибо признанным за реальный прототип леди Макбет (опять инверсия во времени и в соотношении *Dichtung/Warheit*), а история Макбета, как мы знаем от поэтессы, — это “убийство Кирова”.

Ярость, которую возбуждали в Ахматовой повторявшиеся в 1960-е попытки “замуровать [ее] в 10-е годы”, восхваление ее ранней лирики в ущерб позднему творчеству — по цензурным причинам публично известному лишь в осколках, — в свете ее реквиема памяти жертв сталинизма и других текстов не удивляет. Несколько фрагментов из цикла “Requiem”, замаскированных в печати под любовную лирику, разделили судьбу всего наследия Ахматовой — поэтессы архисовременной, грозной и иронически жестокой, которую альбомный псевдоним почти необратимо заслонил от взглядов читателей.

Выдающийся знаток ее творчества Роман Тименчик, констатируя противоречие этого альбомного стереотипа с ироническим замыслом еще самых ранних стихов поэтессы, приводит меткое мнение Георгия Чулкова, относящееся к декабрю 1911 г, — за год до провозглашения акмеизма: “Почти в каждом стихотворении Ахматовой, как в бокале благоуханного вина, заключен тайно смертельный яд иронии. Эта ирония отдаленно напоминает улыбку Иннокентия Анненского и Жюль Лафорга, но она всегда тоньше, нежнее и женственнее, чем у этих безвременно погибших поэтов”. Комментируя эту цитату, Тименчик подчеркивает в поэзии Ахматовой вес

иронической конфронтации с историческим и политическим контекстом современности, без учета которых стихотворение становится неразборчивым, точнее — превращается как раз в банальный стереотип: “С годами ирония становится жестче, мужественнее и отчаяннее, но она по-прежнему определяет особый статус ахматовских стихов по отношению к миру внестиховой действительности. Полнота их содержания, сообщение, несомое ими, раскрывается только в соположении текста и околотекстовой реальности, в конфликте „буквального смысла” и неназванных, прямо сопутствовавших стихотворению обстоятельств”.

Ахматову следует читать с конца. Только это может восстановить надлежащие пропорции и вывести это великое достояние литературы XX века из тоталитарного вымысла с той стороны зеркала.

Тадеуш Ружевич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Мелкие объявления и предсказания

меняю зрение на осязание

осязание на обоняние

обоняние на вкус

вкус на пикантные палочки

с беконом в цветном перце

меняю палочки

на стишки

Опиши мне нежность

а я тебе скажу

будешь ли ты графоманом

опиши мне счастье

которое тебе выпало и

несчастье

которое на тебя обрушилось

а я скажу тебе кто ты

скажи мне в стихотворении

предельно кратком

чем отличается любовь

от ненависти

чем отличается

чёрный квадрат от белого

а я тебе скажу

будешь ли ты Малевичем
или только рамой для картины
скажи мне чем отличается
вторник от среды
а я скажу тебе кто ты
футуролог или футуро
брехун
скажи мне когда миру придёт конец
а я тебе скажу когда
ему не будет конца

Палец на губах

губы истины
стиснуты
палец на губах
говорит нам:
пришло время
молчать
никто не ответит
на вопрос
что есть истина
тот кто знал
тот кто сам был истиной
ушёл навсегда

* * *

я родился носорогом
с толстой шкурой и рогом на лбу

хотел я стать мотыльком
но мне сказали
ты должен быть носорогом
хотел стать
жаворонком аистом
но мне сказали это невозможно
я спрашивал почему — ответили
потому что ты носорог
я хотел быть обезьяной
даже попугаем
но мне сказали... НЕТ
мне приснилось что у меня
нежная розовая кожа
и профиль Клеопатры
но я тут же вспомнил
что у меня очень толстая шкура
а рог на лбу — это мой паспорт
как был ты носорогом так и будешь
до самой смерти

* * *

белизна не печалится
не веселеет
просто белеет
упрямый
я ей говорю
что она бела несомненно

но белизна не слушает — мол чепуха

она слепа

и глуха

она совершенна

и становится

всё белей

постепенно

Из уст в уста

идея

имеет язык

который прекрасен и лжив

как змея

в раю

из уст философа

идея выходит чистой

она далека от “действительности”

как душа от тела

вот тут-то её

и пробует на вкус

политик

деятель

он её пережевывает

и выплёвывает

на головы гражданам

идея растёт у всех на устах

из уст политика

её выхватывает
журналиюга
и приправив слюнями
хамством
провокацией
выделяет через органы
“массовой информации”
идея падает на брусчатку
выходит на панель
её шатает
влево-вправо
как пьяную шлюху
она переходит
из рук в руки
на глазах
онемевшего мира
превращается
в орудие преступления
а что же философ
молчит
уходит
не оглядываясь назад
будто не слыша слов:
*“Не то, что входит в уста,
делает человека нечистым,
но то, что из уст исходит,*

делает его нечистым...”

Паутина

четыре серых старухи

Беда Нищета Забота Вина

ждут где-то далеко

человек рождается

растёт

заводит семью

строит дом

четыре призрака

ждут

затаившись в фундаменте

строят человеку

другой дом

лабиринт в тупике

человек живёт любит

молится трудится

наполняет дом надеждой

плачем смехом тревогой

четыре серых старухи

играют с ним

в прятки

прячутся в сундуках

в шкафах на книжных полках

питаются перчатками пылью

грязью нафталином

глотают книги
гаснут серые тихие
под холодным светом луны
на бумажных цветах
дети бьют в ладоши
хотят прихлопнуть моль
моль превращается в тишину
тишина в музыку
четыре серых старухи ждут
человек приглашает
других людей
на крестины похороны
поминки и свадьбы
серебряные золотые
сквозь замочную скважину
незваными входят в дом
четыре серых старухи
первой входит Вина
за ней маячит Забота
следом растёт Нищета
зубы щерит Беда
дом превращается в клубок паутины
слышны голоса и стоны
скрежет зубов
жужжанье
боги спросонья отмахиваются

от назойливых людей

зевают

Почему поэты пьют водку

потому что они

видят чтó в них сидит

и чтó ещё может

вылезти

пьют потому что не могут слышать

ни того чтó сами себе говорят

ни того чтó им говорят другие

пьют потому что не прочь подложить свинью

собрату по цеху

но в трезвом виде

они так благородны

пьют перед зеркалом потому что боятся

проворонить того другого

который лучше и “милее”

(свет мой зеркальце

скажи...)

пьют потому что знают

всё чтó уже написали

и не знают чтó ещё

сумеют из себя выжать

Формы поэзии

поэзия не всегда

принимает форму стихотворения

на шестом десятке
она является поэту
в облике дерева птицы
в сиянии света
в облике женщины
или в безмолвии
а то и просто живёт в нём
вне всякой формы
как чувство
любви гнева жалости

Невысказанное

начнём разговор
слова скроют
то что случилось раньше
вне нас
из чего выхода нет
ты ещё не знаешь об этом
протягиваешь руки
думаешь я
всё ещё там
где ты меня оставила
стоишь
неподвижная неясная
правда понемногу достигает
твоего сердца
ты оглядываешься

и уходишь

в тупик

Весна

Я сижу в саду.

Всё старо как мир.

Солнце, цветы, деревья.

Один только я молод,

Как собственный внук,

Как толпа моих внуков —

Их здесь не счесть.

Они надо мной смеются.

Я тоже.

Леопольд Стафф. Весна

где-то сижу

только не знаю где

всё старо как мир

солнце цветы деревья

девочки с сигаретами в зубах

мальчики со словом курва

(тоже в зубах) — молодой лес

всё старо

я тоже стар

как собственный дед

“Внук” пронёсся мимо

на горном велосипеде Вопя

сдорогистараяжопа

я онемел
потом обругал сопляка
он поехал дальше
а у меня
угрызения совести
Он надо мной смеётся
Я тоже...

*Перевод Андрея
Базилевского*

ФЕНОМЕН РУЖЕВИЧА

Два поэта прошлого столетия сыграли решающую роль в развитии польской лирики. При взгляде с перспективы конца века всё более величественной предстает фигура Болеслава Лесьмяна, всё весомей становится слово Тадеуша Ружевича. Это разные поэты, даже рискну утверждать, что они антиподы. С одной стороны — воплощение “поэтичности”, с другой — демонстративный отказ от всякой “поэтичности”. Однако есть нечто, объединяющее оба феномена, нечто, из-за чего невозможно недооценить и отделить творчество одного из этих поэтов от творчества другого. Ибо в обоих случаях мы имеем дело с таким огромным зарядом поэтической энергии, что она почти разрывает языковые связи. Опять-таки: если в случае Лесьмяна можно сказать о взрыве, то в случае Ружевича — и это абсолютная новость в польской, да и в мировой поэзии — надо говорить, скорее, об имплозии — взрыве вовнутрь. Слову в расцвете звучного многоголосия (лесьмяновское: “Ибо это был голос, и только голос, и ничего кроме голоса”) на другом полюсе соответствует конденсирующее смыслы безмолвие (ружевичевское: “называю молчанием”).

Тадеуш Ружевич родился в 1921 г. в городке Радомско, дебютировал во время войны нелегально изданной книгой “Лесное эхо”. Был солдатом подпольной Армии Крайовой, как и его старший брат Януш — тоже многообещающий поэт, — убитый гестапо в 1944 году. Годы спустя, вместе с третьим из братьев, режиссером Станиславом, Тадеуш Ружевич издал потрясающую книгу “Наш старший брат”. Своеобразным продолжением ее стал опубликованный в 1999 г. сборник “Мать уходит”, подтверждение того факта, что поэт, обратившись к документальным формам, в 90-е годы подверг свое творчество весьма существенной переоценке. Этот выдающийся прозаик и драматург, остро чувствующий прихотливый ритм действительности и одаренный способностью преобразовывать его в ритм искусства, сделал поэзию корнем творимого им мира. Корень этот, если можно так выразиться, сформирован из самого благородного металла — молчания.

Ружевичевское молчание имеет двойную природу. С одной стороны, он немало почерпнул из богатой, формально разнородной лирики Леопольда Стаффа, которому отдал необычную дань великолепной книгой его избранных

стихотворений (“Кто этот странный незнакомец”; кстати, примерно тогда же Стафф составил превосходное избранное Лесьмяна). С другой стороны, Ружевич многим обязан авангардистской дисциплине стиха Юлиана Пшибося (впрочем, после краткого периода взаимопонимания пути этих авторов неизбежно разошлись: веривший в слово Пшибось не понимал отчаяния Ружевича, который утратил доверие к языку). В ружевичевском послесловии к избранному Стаффа мы читаем: “Танец поэзии окончил свою жизнь во время II Мировой войны, в концлагерях, созданных тоталитарными системами. Все мы, пережившие эпоху презрения, вместе с Андре Мальро задавали себе вопрос: “Умер человек на древней европейской земле или нет?”. Поэзия движения Сопротивления и послевоенных лет дала на этот вопрос ответ не на языке Муз, а на человеческом языке. Возвращения всякого рода “поэтических танцев” не выдержали проверки временем. Слово перестало удивляться слову. Метафора перестала расцветать”. Эти слова, ставшие комментарием к драме поэзии Стаффа, — в то же время открытая полемика с оптимизмом авангарда. Ружевич демонстративно отбрасывает веру в возрождение “языка Муз”: “Есть, конечно, поэты, которые последовательно, до конца предаются “поэтическому танцу”. Невзирая на положение человечества, страны и свое собственное. Это позиция столь же бесплодная, сколь и героическая, столь же оптимистическая, сколь и смешная”. Эти слова — не только прощание с Пшибосем, но и указание иного пути авангарду.

Однако что означает речь на “человеческом языке” и отказ от “языка Муз”? Ведь Ружевич последовательно отделяет свои произведения, заботится об их эстетическом измерении — могло бы показаться, что веры в поэзию он окончательно не утратил. Можно, тем не менее, понять это иначе: забота об эстетической функции здесь — не культивирование “поэтичности”, а работа, нацеленная на заострение драматизма поэтического высказывания. Стихотворение становится прежде всего не “творением”, а “сообщением”, информирующим о “положении человечества, страны и своем собственном”. Поэт — а он и есть главный герой поэзии Ружевича — вновь и вновь пытается описать собственную ситуацию. Пытается, зная, что язык, которым он пользуется, исковеркан, что он — орудие преступления; отсюда стремление “очистить” язык, упростить, даже обнажить. При этом “нагое” слово поэзии Ружевича осложнено собственной парадоксальной природой, отражающей парадоксальную ситуацию человека, который знает, что “жизнь без бога

возможна/ жизнь без бога невозможна”, и с этим знанием предоставлен самому себе.

Столь же парадоксальна природа поэзии: “внутри поэзии / неподвижность пустота // вход внутрь / открыт / для всех // выхода нет”. Это многозначный, полифункциональный комментарий из текста “По краям поэзии”, завершающего книгу “Всегда фрагмент — recycling”. Внутреннее пространство поэзии — неподвижный центр Вселенной, глаз циклона, где властвует покой, а по краям безумствует стихия жизни: “после того как стихи написаны / меня выметает / отбрасывает / на край поэзии // в самый центр жизни (...) по краям поэзии / под видом сенти-ментальной / смерти / кипит жизнь и поэзия / со вкусом / добра и зла // выветривается соль земли / слова / становятся бездомными”. Слова бездомны вне стиха. Только в нем они находят приют, обретают себя, чистоту, невинность — однако по краям поэзии, вне неподвижного, приглушенного центра, они всё это теряют: “ни одно создание кроме человека / не пользуется словом / которое может стать орудием преступления”.

Если вдуматься в своеобразную драму поэзии Ружевича, может оказаться, что драма эта глубже, чем обычно думают. При взгляде на нее с исторической перспективы видны две точки координат или, вернее, два источника недоразумений, вытекающих не из особенностей темперамента или взглядов, но из исключительности “ружевичевской ситуации”. Центральная точка этой лирики — мир “концлагерей, созданных тоталитарными системами”, его поэт переживает непосредственно, без исторической релятивизации, без внешних соотношений. Центр этого мира — гибель. С точки зрения старших поколений, несмотря на весь ужас, можно было этот опыт релятивизировать, как поступил Ежи Загурский, писавший в 1947 г.: “Полагаю, есть надежда, что нынешнее разорение Центральной и значительной части Восточной Европы может иметь для человечества значение, подобное тому, какое имело падение Византии в XV веке; точнее говоря, не исключено, что человечество выйдет победителем из этого испытания гибелью”. Для более молодых поколений война была уже всего лишь “историческим событием”, чем-то относящимся к багажу коллективной памяти, как прочие события прошлого. Герой Ружевича — Поэт — всегда в центре гибели: это его духовная родина, неизменная координата его опыта и рефлексии, высшее содержание пережитого. И жизнь, и поэзия после такого опыта уже не могут быть тем, чем были прежде. Таким образом, произведения Ружевича — прежде всего попытка рассказать об

этом пере-живании, в котором мало общего с милошевским “спасением”: “много лет я работаю / в этой профессии / к которой избран / и призван / она именуется поэзией”.

Настоящая поэзия, “поэтические танцы” — в прошлом, подобно тому, как в прошлом — вера в невинность человека и непорочность слова. Раннее “называние молчанием” продолжено в позднейших текстах, таких как “Зеркало”: “тишина — зеркало / моих стихов / их отраженья молчат”. Молчанию отвечает Молчание, что можно понимать как “молчаливое согласие” между поэтом и читателем, но и как то, что единственно возможная реакция на эти стихи — тишина. Нагромождение иронии и самоиронии неустанно то вновь создает, то устраняет дистанцию по отношению к миру этой поэзии и положению ее героя, — вот один из источников многочисленных и регулярно повторяющихся недоразумений, сопутствующих творчеству Ружевича (напомним хотя бы о том, что и коммунисты в период его дебюта, и правая критика последних лет дружно пользуются при описании этой поэзии понятием “нигилизм”). Но в то же время именно (само-)ироническая спираль определяет динамику этой поэзии, выстраивает систему ее внутренних и внешних напряжений. А также придает ей оригинальность, в силу которой Ружевичу хоть и можно подражать, но невозможно быть его “учеником”, как невозможно быть “учеником” Лесьмяна.

Ружевичевское Молчание — своего рода чистилище слова, чистилище языка, искаженного преступлением, ложью, идеологией. Сегодня слово этой поэзии обретает новую динамику, возрождается его творческая мощь. Одна из последних книг поэта — “Мать уходит” — попытка нарисовать портрет современной семьи человеческой, сознающей, что она уцелела в эпоху тоталитарного зверства, но отлично знающей, что история продолжается, а грозные стихии, ныне с виду укрощенные, могут пробудиться вновь. В таком мире доверие невозможно. Однако возможно послание любви, выраженное парадоксальной формулой: “Всевидящие глаза матери смотрят на рождение смотрят всю жизнь смотрят после смерти с „того света”. Даже если сын превращен в машину убийства в чудовище в палача глаза матери смотрят на него с любовью... смотрят”.

ДВА РАССКАЗА

Страна Советов

Дядюшка не любил касаться Советского Союза. Втянуть его в разговор о прошлом было невозможно. О том, чтобы записать свои воспоминания, он и слышать не хотел. “А если их случайно у меня найдут? — вопрошал он. — Что я скажу?” И тут же добавлял: “Хотя если найдут, то и спрашивать не станут, и так будет все ясно”.

Этот зловещий “советский рай”, ставший причиной стольких несчастий в семье, возбуждал наше любопытство, но дядя упорно молчал. Наверно, не хотел снова погружаться в ту жизнь, наверно, — но мы были слишком молоды, чтобы считаться с подобным обстоятельством. И дядюшка держал свои тайны при себе. Иногда за выпивкой выдавал какие-то обрывки, но из этих тягостных подробностей нам не удавалось составить целое. Кое-какую пищу для размышлений давало поведение его тещи, русской. Она несколько недель добиралась в наши края, чтобы навестить дочь; дядя, одолев свой срок, отправился на вечное поселение и там, думая, что никогда больше не увидит родной страны, женился на русской, однако, не прошло и четырнадцати лет, как он благополучно с ней сюда вернулся.

Эта теща; она хорошо знала жизнь и отказывалась верить, что одна семья может занимать двухкомнатную квартиру, она была убеждена, что другую семью арестовали, всех поголовно, или, в лучшем случае, выселили в какую-то отдаленную oblast'. Теща шарила по всем углам и даже заглядывала в шкафы в поисках козы-кормилицы, допытываясь, как ее спускают со второго этажа вниз, на выпас, и долго постигала тайну электрического освещения, которое, вопреки бравурным заявлениям Ленина, что “коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны”, до ее села еще не добралось.

Была, однако, тема, на которую дядя охотно откликался: коррупция — явление в те годы в Польше малоизвестное; если уж подобное случалось, то именовали его взяточничеством.

— Людям там платят гроши, — рассказывал дядя, — и если хочешь прожить, приходится брать на лапу. Впрочем, это

вековая традиция. Там всегда брали. Каждый, кто имел руки, брал. Так и повелось.

— Как это каждый? — удивлялись мы. — Ведь есть же занятия, где не удастся брать взятки. Что тогда?

— Именно, занятия! Хорошо сказано! Само слово... занять... прямо просится...

— Да нет... Речь о таких профессиях...

— Тогда... — дядя мгновенно подавал реплику, включаясь в свою любимую игру, но сначала закуривал. После первой жадной затяжки оставалось полсигареты, а после второй окурков обжигал ему губы. “Вот там, — вырвалось у него однажды, — были папиросы так папиросы: клопы с потолка падали замертво, крепкие — ужас...”

— Тогда, пожалуйста, — говорил он сквозь вату дыма, — приведите мне пример профессии, где не удастся дать.

— Ну... — соображали мы вслух, — ведь есть же... Хотя бы, например, — мы выискивали самые немыслимые ситуации — например, если бригада в чистом поле привинчивает рельсы к шпалам...

— Ну, прям как дети! — умилялся дядя. — Это ж верная золотая жила! Начиная с продажи рельсов, шпал, болтов и инструментов! Только начиная!

— Как же? Если в чистом поле...

— Любое чистое поле где-нибудь да кончается, даже у них. И вот вам, пожалуйста, — полустанок.

— Ну и что?

— Как что? Не подмазать в этой ситуации себе дорожке. Возьмем, к примеру, такой Енджеев. Там у них железнодорожная станция в двух километрах от города. Почему? В наказание, поскольку город еще при царе уперся, что не даст. И не дал, и вот уже восемьдесят лет его жители мотаются туда-сюда и проклинаяют свою судьбу. И тех, кто пожалел денег в девятнадцатом веке.

— Ладно, а, скажем, машинист? От кого он может получать взятки? Машинист.

— Ой, да бросьте вы, машинист! Вот кто лопатой гребет! Это ведь от него зависит, поедет поезд или остановится в бескрайних просторах. Если пассажиры не скинутся, как доедут? А пока они думают, он сидит себе в тепле, ему не к спеху... Так что не морочьте голову!

— А вот, пожалуйста! — мы держались железнодорожной темы. — Пожалуйста! Как может брать на лапу женщина, которая сидит взаперти и через громкоговоритель объявляет о прибытии и отправлении поездов?

— Ну-у-у... — дядя посерьёзшел. — Да это просто золотое дно! Лучше не бывает.

— Но кто же ей даст? И как?

— Там, — дядя раскуривал очередную сигарету, словно жадно втягивал в рот ее содержимое, — там не принято ждать поезда на перроне. Ждать надо в зале ожидания, для порядка. Лишь когда через громкоговоритель объявят, что поезд прибыл, можно этот зал покинуть. Но сначала контролер в дверях обязан проверить билет. Он работает в паре с той женщиной, которая объявляет. Она запаздывает с информацией, а потом сообщает, что поезд, скажем в Комсомольск, отправляется через четыре минуты. Весь зал ожидания бросается к дверям, а контролер, не торопясь, рассматривает себе билеты на свет. Уже прошла минута, а он всего три проверил. ... Ну и что делать, если хочешь успеть на поезд? Делать нечего, надо дать. И пассажиры в панике пускают ушанку по кругу. А контролер делится с той женщиной, которая объявляет. Если движение на станции большое, то они быстро достигают благосостояния, только купить нажитое все равно нечего. Конечно, и машинисту они должны отслужить, чтобы подождать, пока пассажиры сбросятся, и не трогался по расписанию. И начальнику поезда, всенепременно. А проводники сами о себе позаботятся, но это уже из другой оперы... Ну, что теперь скажете? Какие еще вам известны занятия, где невозможно взять? Ну?

Позднее, в восьмидесятые годы, дядя все же поддался на уговоры и принялся писать воспоминания о черных днях своей молодости. Но чтение нас разочаровало, поскольку подробностей там было не много. Дядя, почувствовав себя снова ввергнутым в ту бездну, главным образом обращался мыслью к своей стране, которую не надеялся больше увидеть никогда.

Ленин

Мы рассорились из-за Ленина, и разговор уже не клеился. Потом я вышел из ее парижского дома, где она обитала несколько лет, и кружил по улицам в поисках станции метро.

Она была второй знаменитой русской, с которой меня свела жизнь; с первой я познакомился заочно много лет назад, еще в школе, когда решил овладеть премудростями русского письменного. Молодежный еженедельник “На пшелай” печатал адреса молодых людей из нашего соцлагеря, желающих переписываться с поляками; я с помощью словарей составил письмо и отправил в Москву. Не прошло и месяца, как пришел ответ. Какой-то чудной конверт, который следовало, осторожно расклеив, расправить на столе, ибо он был исписан с внутренней стороны; таким способом советская экономика ухитрялась быть экономной по части писчей бумаги. В конверте, кроме сообщения, что отправительница письма любит музыку, кино, пешие походы и поэзию, была черно-белая фотография прекрасной девушки. Я часами со страхом всматривался в ее большие глаза, то и дело порывался писать ей и ревниво скрывал адрес от загребущих друзей. Спустя несколько месяцев, когда я уже подумывал поехать к ней — что из-за отсутствия паспорта и официального приглашения вряд ли было осуществимо, ибо Советский Союз не впускал к себе неорганизованных туристов из братской страны, — переписка прервалась; девушку с фотографии я увидел в кино. Она играла главную роль, это была звезда “Мосфильма”. Школьница из Москвы за несколько копеек купила ее фото в киоске и вложила в свое первое письмо; с тех пор у меня душа не лежала к изучению русского.

Поэтесса Наталья Горбаневская, которую я навестил в Париже, была настоящей Натальей Горбаневской и к тому же говорила по-польски. По-польски мы с ней и поссорились в восемьдесят первом году из-за Ленина.

Она была в числе тех восьми, кто в 1968 м, через несколько дней после ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора, вышел на Красную площадь. Ее сын-подросток, который в парижской квартире прислушивался к нашему разговору, был девятым участником демонстрации протеста; он тогда спал в коляске. Восемь человек сели на парапет у Лобного места. Развернули несколько транспарантов: “Руки прочь от ЧССР. Долой оккупантов. За вашу и нашу свободу. Свободу Дубчеку. Да здравствует свободная и независимая Чехословакия”; их арестовали через несколько минут. В обвинительном заключении подчеркивалось, что плакаты содержали клевету и порочили советский государственный и общественный строй.

Всем дали большие сроки. Лариса Богораз сказала на суде: “Я оказалась перед выбором: протестовать или промолчать. Для меня промолчать — значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать — значило для меня солгать”. Ее приговорили к четырем годам ссылки.

Наталью Горбаневскую не судили; она была матерью двоих малолетних детей, и власти предпочли избежать международного скандала. Ее арестовали через год с лишним и отправили в психиатрическую спецбольницу на принудительное лечение, там она пробыла год; ранее ее уже признали невменяемой, а диагноз поставили такой: “Не исключена вялотекущая шизофрения”.

В семьдесят пятом она эмигрировала вместе с детьми. За переводы польской литературы на русский язык Н.Горбаневская была награждена премией парижской “Культуры”. В восемьдесят первом я отыскал ее в Париже, и у нас сразу случилась размолвка из-за Ленина.

“Рассказы о Ленине” Зощенко были в начале семидесятых очень популярны в студенческой среде. Их достоинства становились особенно заметны при чтении вслух за кружкой пива. Это произведение было издано тридцатитысячным тиражом и сразу же предусмотрительно уценено с тринадцати золотых до двух. Неизвестно, кто первый углядел его в магазине дешевых изданий на Шевской улице в Кракове, среди словесной руды, выданной на горá Махееком, Путраментом, Станиславом Рышардом Добровольским^[1] и классиками философии, не пользующимися спросом. Книгу разобрали в миг.

Зощенко был в Польше хорошо известен; его издавали еще в межвоенное двадцатилетие. Ни один автор из Восточной Европы не высмеял “советский рай” так, как он в “Голубой книге”. “Рассказы о Ленине” тоже считались шедевром. Под видом коротких бесед для отстающих детей Зощенко создал житие Ленина, накадив ему с таким демонстративным обожанием, что людоед с бородкой стал чудовищно смешон. Существовали разные гипотезы, как столь абсурдной книге удалось усыпить бдительность властей и цензуры.

“Ленин учился очень хорошо, даже замечательно, — читали мы. — Он чудно плавал. Он так плавал, что всех приводил в удивление. [...] И вот благодаря купанию и физкультуре, благодаря правильному отдыху Ленин сумел много работать и сумел подготовиться за всю высшую школу сразу”.

“Конечно, для товарища Ленина можно было бы найти наилучшую еду. Но он запрещал это делать. Он не мог позволить себе сытой жизни, когда голодала вся страна. И он даже чай пил без сахара”. Ленин, глядя, куда летят пчелы, нашел домик пчеловода. “Пчеловод, увидев Ленина, до крайности удивился. Он сказал:

— Владимир Ильич, вы великий человек и великий гений. В каждом деле вы умеете находить что-нибудь особенное”.

“И понадобился Ленину печник. Надо было исправить камин, а то он дымил”. Печник, услышав, что его зовут в Горки, испугался, поскольку однажды нагрубил Ленину. “Он говорит жене:

— Ну, прощайте, Катерина Максимовна. Наверно, уж с вами больше не увидимся”.

Ленин тотчас помог получить пенсию вдове кровельщика, который при жизни зарабатывал “ничего себе, довольно хорошо”, так что его жена “даже пила чай внакладку”. Надоедливой вдове сказали: “Только один человек может поднять твое дело: это Ленин. Сходи к нему, если хочешь”. Вдовица узнала, что Ленин находится в Смольном, и, не мешкая, навестила вождя в тиши его кабинета.

Ленин не захотел взять рыбу у простого рыбака, которого “революция поставила на большую должность, с тем, чтобы он улучшил рыбную промышленность. [...] Рыба, не дождавшись советских сетей, уплывала в английские воды”. Ленин посмотрел на рыбу с отвращением. “Он строго сказал: „У нас в стране дети голодают. Напрасно вы мне ее привезли””. Мама дорогая, подумал рыбак, что же теперь будет? Ленин даже мог пространно поблагодарить за отличную службу часового, который не дал ему пройти без пропуска в Смольный.

О том, сколько радости доставляла нам эта книга, я рассказал Горбаневской, а она посуровела: “Вы, наверное, сдурели, ведь Зощенко восхвалял Ленина совершенно серьезно, потому что хотел угодить властям”.

— Исключено, — упирался я, — Ленин у него выглядит идиотом. В каждой фразе. Скорее всего, никто не отважился первым сказать об этом вслух, и рассказы сохранились для потомков.

Она даже слушать не хотела. “Так было принято писать о Ленине, писали, как о святом, — говорила она запальчиво, —

все так писали! Вы ничего не понимаете. Это был Советский Союз! Зощенко написал из сервильности! Из трусости!”

— Не верю, — ответил я, — трус не мог написать такой вещи. Зощенко, должно быть, рассчитывал, что никому не взбредет в голову критиковать ее. Это лукавая книга.

Сыну Натальи Горбаневской наскучил наш разговор. Он одернул темно-серый свитер и вышел из кухни. Горбаневская со злостью без всякой надобности терла стекла очков. Я собирался спросить ее про редакции русских эмиграционных изданий, с которыми она сотрудничала, но подумал, что сделаю это в следующий раз. А через двенадцать лет, когда ей в свободной Польше вручали премию ПЕН-клуба, меня не было в Варшаве [2].

Перевод Марины Курганской

Из книги «Новые фотографии»,

«Выдавництво литерацке» 2007

-
1. Махеек Владислав (1920–1992), писатель. Путрамент Ежи (1910–1986), писатель, публицист. Добровольский Станислав Рышард (1907–1985), поэт, прозаик. Все трое — представители литературного истеблишмента коммунистической Польши. — Прим. пер.
  2. Прим. Н.Горбаневской: Помню, как был у меня Януш Андерман, но совершенно не помню ссоры. На мой взгляд, мы, видимо, просто поспорили, однако расстались, казалось, вполне дружески. Я нагрозила Андермана — не только прозаика, но и переводчика с чешского — своими любимыми чешскими книжками, изданными на Западе, и потом с горечью узнала, что все их отобрали у него на границе (писатель вернулся в Польшу незадолго до военного положения).

РАССКАЗЫ АНДЕРМАНА

Януш Андерман (род. в 1949 г.) начинал как репортер в журнале “Студент”. Во второй половине 70-х Андерман вошел в состав редакции независимого литературного журнала “Пульс”. Как писатель он дебютировал в 1976 г. книгой “Игра в испорченный телефон” — повествованием о польской действительности эпохи ПНР, построенном подобно детской игре в испорченный телефон, когда первоначальный смысл после многократного пересказа деформируется и искажается до неузнаваемости. Сама словесная ткань этой прозы — не напрямую, но все же заметным образом — сигнализирует о постоянно действующем, так сказать, “факторе деформации” — цензуре. И не только цензуре, но и вездесущем соглядатайстве. Такой же прием писатель использует и в своей второй книге — “Игра на промедление”. Не случайно ее герой в какой-то момент замечает: “Кружу по улицам и не могу отделаться от навязчивого ощущения, что я не один, хотя в это время город уже замирает”. Рассказчики в обеих повестях — это кочующие из эпизода в эпизод неудачники, празднующиеся личности, одаренные острой наблюдательностью и чутким языковым слухом. Таковы они и во всех последующих книгах Андермана: “Нечем дышать”, “Край света”, а также в вышедшем недавно романе “Всё время” и в циклах рассказов “Фотографии” (публикация цикла до сих пор идет с продолжением в “Газете wyborczej”).

В своей прозе Андерман прежде всего стремится передать атмосферу польской общественной жизни последних десятилетий, он один из немногих писателей, кто не только выискивает нелепости и парадоксы, сопровождающие изменения в стране, но и показывает разъедающие эту жизнь конфликты. При этом главным героем его прозы оказывается язык, представляющий собой пародию на разговорную речь, полную пропагандистских и журналистских клише, как, например, в рассказе о некогда популярной Велогонке мира:

“— Вы в восторге от пелетона? Они ваш кумир? — с надеждой спрашивает (...) репортер.

— Не так чтоб очень, — с отвращением отвечает голос.

— Но вы ведь будете выражать свою поддержку красочной веренице?

— Не так чтоб очень”.

Подобные диалоги и высказывания персонажей Андермана, эта своеобразная абракадабра повседневности, где слова перестают что-либо значить или утрачивают первоначальный смысл, а логика рассуждений поражает своей несвязностью, эта запечатленная в произведениях Андермана языковая магма, находящаяся в постоянном движении и постоянно порождающая комические эффекты (заметные, правда, лишь при взгляде со стороны), — свидетельствует о потерянности и страхе его героев перед непостижимой действительностью.

Из рассказов Андермана складывается мозаичная хроника новейшей истории Польши; речевые фигуры, которые мы замечаем в репликах его персонажей, — это почти отчаянное обличение мировоззренческого хаоса, где отсутствует какая бы то ни было иерархия ценностей, а основной отправной точкой в оценке действительности становится неосознанная неудовлетворенность. По сути, писатель показывает общество, члены которого, ощущая потерянность и отсутствие ориентиров, культивируют собственные комплексы и потому не способны к реалистичной самооценке.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

В конце декабря — начале января в печати традиционно появляются всевозможные рейтинги и статьи, подводящие итоги культурных событий прошлого года. Сегодня мы сосредоточимся на литературе и кинематографии.

• Издательский рынок процветает. По данным “Газеты выборчей”, в 2007 г. доходы издательств побили все рекорды. Было издано почти 13 тыс. новых наименований книг. Какие из них продавались лучше всего? Вот несколько самых показательных примеров.

Главным бестселлером стало “Свидетельство” кардинала Станислава Дзивиша и Джанфранко Свидеркосчи — продано 850 тыс. экземпляров. Второе место (170 тыс.) разделили книги “Польская кухня. 1001 рецепт” и “Новые приключения Николя” Ж. Ж.Семпе и Р.Госсинни. Тиражом почти 150 тыс. экземпляров разошлась книга о Тадеуша Исаковича-Залеского “Священники и госбезопасность на примере Краковской архиепархии”, посвященная люстрации духовенства и вызвавшая в свое время настоящую бурю в СМИ. “Трактат о лущении фасоли” Веслава Мысливского, награжденный в прошлом году двумя крупными литературными премиями — “Нике” и Премией города Гдыни, — купили 38 тыс. читателей. Переизданный (по случаю выхода фильма Тома Тыквера) “Парфюмер” Патрика Зюскинда разошелся тиражом 144 тыс. экземпляров, а книга Александра Литвиненко и Юрия Фельштинского “ФСБ взрывает Россию” — 42 тысячи. Очень хорошо продавались книги умершего в прошлом году Рышарда Капустинского. Лучшее — “Путешествия с Геродотом” (44 тыс. экземпляров), “Бурлящий поток истории” (35 тыс.) и “Черное дерево” (свыше 33 тыс.). Большим успехом пользовался также сборник интервью Витольда Береса и Кшиштофа Бурнетко “Капустинский: мне не охватить всего мира” — было продано 77 тыс. экземпляров. Сборник чешских репортажей Мариуша Щигела “Готтланд” нашел 16 тыс. покупателей, а одна из самых шумевших книг прошлого года, эссе Ярослава Марека Рымкевича “Вешанье”, — всего 4 тысячи.

• Именно “Вешанье” признал лучшей книгой 2007 года Кшиштоф Маслонь в своем личном рейтинге, опубликованном на страницах газеты “Жечпосполита”. “Совершенно правы те, кто читает это превосходное историческое эссе, посвященное

драматическим событиям 1794 г, когда в Варшаве, Вильне и Кракове были казнены изменники родины, в современном контексте”, — написал критик во вступлении. И закончил свою рецензию тоном моралиста: “Если события, описанные в книге Рымкевича, могут нас чему-нибудь научить, то прежде всего тому, что измена государству и ренегатство должны быть наказаны”. Напомним, что в прошлом году значительно бóльшую известность, чем “Вешанье”, Ярославу Мареку Рымкевичу принесло интервью, в котором он заявил, что абсолютно все действия Ярослава Качинского — благо для Польши. Благотворны даже “его ошибки и промахи, его неудачи и неудавшиеся начинания”. В том же интервью Рымкевич сравнил Польшу с сонным зубром, которого Качинский разбудил: “Он укусил зубра за задницу и благодаря этому войдет в историю”. Поэт без колебаний приравнял бывшего премьера к маршалу Пилсудскому.

Второе место в списке Маслоня занимает “Остров” Эустахия Рыльского, третье — “Эксцентрики” Влодзимежа Ковалевского. Главными разочарованиями года критик “Жечпосполитой” назвал “Бегунов” Ольги Токарчук, “Тайную вечерю” Павла Хюлле и “Дойчланд” Анджея Стасюка.

- Несколько кинокритиков огласили на страницах “Дзенника” список десяти самых выдающихся фильмов 2007 года, в котором нашлось место (последнее) только для одной польской картины — “Двое и немного времени” Анджея Баранского. Фильм рассказывает о непростой дружбе поэта Мирона Бялошевского со слепой Ядвигой Станчак — личностью очень интересной и к тому же литературно одаренной. Прекрасные образы создали в этом фильме Кристина Янда и Анджей Худзьяк.

- С точки зрения кинематографии оценила минувший год в “Жечпосполитой” Барбара Холлендер. По мнению рецензентки, польские режиссеры все еще боятся политических и социальных тем. Свести счеты с прошлым решился лишь Анджей Вайда в давно ожидаемой “Катыни”. “Быть может, этот фильм — несколько монументальный и схематичный, но очень важный, — проторит путь следующим”, — пишет Холлендер. Критик одобительно отзывается о “Штучках” Анджея Якимовского и фильме Дороты Кендзежавской “Пора умирать”. Первая картина повествует о вступлении в жизнь, вторая — об уходе из жизни. Обе они несут надежду, которая в польском кино, охваченном в последнее время депрессивными настроениями, представляет собой достойную упоминания новость. То же самое можно сказать о крупице оптимизма в фильме Томаша Вишневого “Все будет хорошо” и о его

немалой дозе в “Заповеднике” дебютанта Лукаша Пальковского. И еще одно: в прошлом году в Польше побывали в кино 32 млн. зрителей.

• В конце 2007 — начале 2008 года польская кинематография понесла две тяжелые утраты: скончались Ежи Кавалерович (проживший 85 лет) и Эдвард Клосинский (65 лет). Кавалерович, режиссер и сценарист, один из создателей знаменитой польской киношколы, “фараон польского кино”, как называли его в одной из прощальных речей, за свою жизнь снял 17 фильмов. Среди них были такие знаменитые, как “Мать Иоанна от ангелов”, “Аустерия”, “Поезд” (в советском прокате “Загадочный пассажир”), “Фараон”, “Смерть президента”, “Пленник Европы” и “Камо грядеши”. В прошлом году на Фестивале художественных фильмов в Гдыне Ежи Кавалерович был награжден “Платиновыми львами” за творчество в целом. Из своих фильмов он больше всего ценил “Мать Иоанну от ангелов” по рассказу Ярослава Ивашкевича. “„Мать” — это мой самый совершенный фильм, — говорил он. — Содержание и форма сливаются в нем в единое целое. Много лет спустя я подумал, что не мог бы сделать этого по-другому”. Урна с прахом Ежи Кавалеровича была захоронена на аллее Заслуженных военного кладбища в варшавских Повонзках. В последний путь режиссера провожали родные и близкие, сотрудники, а также многочисленные поклонники его таланта — в частности, президент Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц, министр культуры Богдан Здроевский, Анджей Вайда, Барбара Брыльская, Юлиуш Махульский и Ежи Зельник. (Статью Тадеуша Любельского о Ежи Кавалеровиче — см. в этом номере)

• Эдвард Клосинский, один из самых выдающихся польских операторов, соавтор успеха нашего кино в 70–80 е годы, участвовал в съемках более чем 60 фильмов. Своей формой ему обязаны такие известнейшие картины, как “Земля обетованная”, “Иллюминация”, “Человек из мрамора”, “Защитные цвета”, “Барышни из Вилько”, “Без наркоза”, “Распорядитель бала”, “Человек из железа”, “Мать Крулей”, “Хроника любовных происшествий”, “Декалог-2”, “Три цвета: белый”. После его смерти Тадеуш Соболевский написал: “Анджей Вайда, Кшиштоф Занусси, Кшиштоф Кеслёвский, Феликс Фальк, Януш Заорский, Марек Котерский и Ежи Штур находили в нем художественного партнера. Он соединял в себе черты великого профессионала и художника, воспитанного на живописи Вермеера, Рембрандта, Хоппера”.

На протяжении 27 лет Эдвард Клосинский был мужем Кристины Янды. “Они познакомились на съемках фильма

„Человек из мрамора”, — вспоминает Барбара Холлендер. — Долгие годы жили в Милянубеке, в старой вилле „Затишье”. У них родилось двое сыновей. Вместе они воспитали и дочь Янды от первого брака Марию Северин. Актриса — энергичная и полная идей — всегда подчеркивала, сколь важной опорой был для нее муж. Он успокаивал ее, напоминал, что важно в жизни. И помогал во всем. Он стоял за камерой, когда она снимала „Косточку”, последние несколько лет организовывал вместе с ней театр „Полония””.

“Он никогда меня не подводил. У этого человека нет слабостей”, — написала о муже Кристина Янда в своем блоге.

• Свой 25-й юбилей отмечает ежеквартальный журнал “Зешиты литерацке” (“Литературные тетради”), основанный в Париже Барбарой Торунчик. С 1992 г. редакция размещается в Варшаве, а тираж журнала составляет 6–8 тыс. экземпляров. “Тираж у нас такой же, какой был у довоенных „Вядомостей литерацких” и у „Культуры” Ежи Гедройца в период расцвета, — подчеркивает Торунчик и добавляет: — Такого тиража нет сегодня ни у одного европейского литературного журнала, сравнимого с нашим”. За четверть века “Зешиты” повидали много литературных знаменитостей. Здесь печатали свои произведения Чеслав Милош, Иосиф Бродский, Вацлав Гавел, Милан Кундера, Збигнев Херберт, Ян Котт, Станислав Баранчак, Адам Загаевский и Томас Венцлова.

Русская литература всегда была широко представлена на страницах журнала, который с успехом популяризировал творчество Ахматовой, Цветаевой, Набокова, Бродского. Последний даже входил в редколлегию “Зешитов”. В юбилейном сотом номере были напечатаны три его стихотворения 60-х годов, а также “Сероглазый король” и “Гость” Анны Ахматовой, произведения Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака (все в переводе Збигнева Дмитроцы). Томас Венцлова опубликовал обширные фрагменты своего дневника, связанные с автором “Остановки в пустыне” и озаглавленные “О последних трех месяцах Бродского в Советском Союзе”. Они попрощались в Ленинграде возле почты на Невском. “Я дал ему бутылку „Малунининку” [литовской крепкой настойки], — записал Венцлова, — чтобы он выпил ее вместе с Оденем. А потом мы показали друг другу знак „V”, два пальца, — и это было всё”.

По случаю юбилея Барбаре Торунчик прислал поздравительное письмо выдающийся итальянский писатель Клаудио Магрис. В заключение он написал: “От всей души желаю следующей тысячи номеров. Или скорее, как сказали бы китайцы,

следующих десяти тысяч”. Мы присоединяемся к этим пожеланиям. (О “Зешитах литерацких см. также в “Выписках из культурной периодики” Лешека Шаруги в этом номере.)

- В рамках празднования 25-летия журнала редакция “Зешитов литерацких” присудила “Почетные и благодарственные грамоты”, а также титулы “Меценатов литературы и изящных искусств” заместителю главного редактора “Газеты выборчей” Хелене Лучиво, президенту Фонда им. Стефана Батория Александру Смоляру, Кшиштофу Апту, организовывавшему редакцию в Париже, и Адаму Михнику. На торжественной встрече в редакции “Газеты выборчей” были вручены премии “Зешитов литерацких”. Премию им. Павла Херца для переводчиков получили Иоанна Гузе и Малгожата Лукасевич, издательскую премию — Ян Зелинский, премию за поэтический дебют — Наталья де Барбаро, премию за эссе — Юлиуш Куркевич.

- С января лодзинский Новый театр носит имя Казимежа Деймека. В постановлении городского совета подчеркивается, что с именем Деймека, одного из основателей и многолетнего директора театра, связаны самые выдающиеся достижения этой сцены. На ней он поставил “Баню” Маяковского (1954), спектакль “Тьма окутала землю” Анджеевского (1957), “Житие Иосифа” Миколая Рея (1958), “Акрополь” Выспянского (1959) и “Оперетту” Гомбровича (1975).

- Кристина Курчаб-Редлих, автор сборника репортажей “Головой об стену Кремля” (в следующем номере мы опубликуем рецензию на эту книгу. — Ред.) получила почетную премию Познанского смотра издательских новинок “Книга осени 2007” — за честное и добросовестное представление непростой действительности посткоммунистической России. “Головой об стену Кремля” — это захватывающее описание 14 лет, проведенных в России, которая за это время, по словам автора, “прошла путь от коммунистического небытия к демократии и... обратно”.

Особенно важна в этой книге тема Чечни, куда Курчаб, многолетний корреспондент польских СМИ в России, неоднократно ездила. В снятых ею документальных фильмах представлены вопиющие случаи нарушения прав человека в Чечне. Во время встречи из цикла “Профессия — репортер” в познанском театре “Восьмого дня” Кристина Курчаб-Редлих сказала: “Я не адвокат чеченцев, я — охотник за фактами. Кремль подверг чеченцев моральному и физическому террору, а мир — террору лжи. Я не борюсь за свободу Чечни — я борюсь за правду о ней”. В рецензии же, опубликованной на страницах

“Политики”, написано, что эта книга “не просто критически оценивает состояние российской демократии. Автора заботит скорее „изгнание” дьявола апатии, овладевшего российским обществом”.

• В краковском издательстве “а5” вышел сборник Виславы Шимборской “Счастливая любовь и другие стихи” с красной розой на обложке. 20 тысячный тираж разошелся мгновенно. Такого избранного нобелевской лауреатки мы еще не видели — более 40 лирических стихотворений и стихов о любви, начиная с самых старых и кончая последним, ранее не публиковавшимся стихотворением “Если бы”. В сборнике есть стихи спокойные и шутливые, драматические и полные меланхолии или нежной иронии, как, например, “Мужское хозяйство”. Случаются проникновенные элегии, такие как незабываемое стихотворение “Кот в пустой квартире”, начинающееся со слов “Умереть — так с котом нельзя”. Есть и самое, пожалуй, известное стихотворение поэтессы “Ничто не случается дважды” из изданного в 1957 г. сборника “Призыв к Йети”, ставшее популярным благодаря песне, которую пела Луция Прус. Как пишет издатель Рышард Крыницкий (сам поэт), Вислава Шимборская не сразу согласилась напечатать этот сборник. Хорошо, что в конце концов ее удалось уговорить. Получился прекрасный том. В рецензии, опубликованной на страницах “Дзенника”, Магдалена Мечницкая размышляет, что такое любовь (для Шимборской означающая бунт против общества, человеческой природы и судьбы) в сегодняшнем мире, где любовным безумием нас шантажируют чуть ли не все песни, фильмы, телесериалы и массово издаваемые романы. И с горечью отвечает: это норма, необходимость, обязанность. “Если нам не везет в любви, мы не только остаемся в одиночестве, но и чувствуем себя отбросами общества, маргиналами. Ибо то, что когда-то было бунтом против мещанской скуки, сегодня стало квинтэссенцией мещанства. Героиня стихов Шимборской еще этого не испытала. Любовь для нее — лишь бегство от мещанства, а не мещанский императив”.

• В списке “Прощания-2007”, опубликованном шведской газетой “Дагенс нюхетер”, Рышард Капустинский упоминается как одна из десяти самых выдающихся личностей, ушедших от нас в прошлом году. Кроме него в список вошли, в частности, бывший президент России Борис Ельцин и убитая надежда пакистанской оппозиции Беназир Бхутто, а из деятелей культуры — российский виртуоз виолончели Мстислав Ростропович, итальянский тенор Лучано Паваротти, шведский режиссер Ингмар Бергман и эстонский писатель Яан Кросс.

Автор заметки о Рышарде Капустинском Ханне Кьёллер написала, что “он унес с собой в могилу свой особый взгляд на Африку”, наиболее полно представленный в “Черном дереве”. По мнению шведского комментатора, польский писатель с редкой убедительностью показал жителей Африки такими же, как мы сами, равными нам, европейцам. “Капустинский никогда не похлопывал их покровительственно по плечу. Он всегда смотрел им прямо в глаза и благодаря этому мог говорить о них столь важные вещи”.

• Незадолго до первой годовщины смерти Рышарда Капустинского (он умер 23 января 2007 г.) в издательстве “Знак” вышла книга “Я дал голос бедным” с предисловием вдовы писателя Алиции Капустинской. Книга представляет собой запись последнего путешествия и встреч Капустинского с итальянской молодежью в городке Больцано. Писатель рассказывал школьникам и студентам о встречах с Другим. Героями его рассказов были тутси, хуту, ненцы, чуваша, амхара, индейцы Боливии, народы индийского субконтинента... В книге читатель найдет также лекцию Капустинского в Тридентском университете и биографию писателя авторства двух итальянских журналистов: Наталины Мосна и Альберто Кончи. “Несмотря на всю жестокость, которую он пережил, несмотря на болезни, насилие, нужду, Рышард был таким, каким его увидели студенты в Больцано, — написал Павел Смоленский в “Газете выборчей”. — Невысокий, с шаркающей походкой, улыбчивый, заинтересованный, деликатный, терпеливый, извиняющийся. И добрый. Он давал голос бедным. Даже если они были неправы — ведь вокруг не было никого другого, кто бы за них заступился”. Именно таким он и был, таким мы его и запоем.

От редакции: Прибавим, что на сайте газеты “Нью-Йорк таймс” (<http://movies.nytimes.com/awardsseason/oscars2008.html>) идет голосование по кандидатурам, выдвинутым на премии “Оскар”. Оно, разумеется, не определяет результатов голосования Американской киноакадемии, однако может повлиять на ее (хотя бы некоторых) членов. Самое мощное голосование, по численности голосующих намного обогнавшее все остальные категории, идет в категории “Иностранный фильм”. Здесь “Катынь” Анджея Вайды соперничает с австрийским (“Фальшивомонетчики”), израильским (“Бофор”), казахским (“Монгол”) и российским (“12”) кинофильмами. В момент редактирования этой хроники (6 февраля, 23.30) за “Катынь” было подано 91% голосов, за австрийскую картину — 3%, за израильскую, казахскую и за “12” Никиты Михалкова — по 2%. Вручение премий “Оскар” состоится 24 февраля.

Кинофильм Анджея Вайды широко обсуждается в русском ЖЖ, особенно после того как Наталья Горбаневская вывесила свою рецензию из №7 “Новой Польши” за прошлый год (<http://ng68.livejournal.com/7687.html#cutid1>). 7 февраля один из участников ЖЖ оставил в своем дневнике запись: “Кстати, новая скрижаль польского национального канона — фильм Вайды „Катынь” — доступен в сети в отличном качестве. Все дружно скачиваем и учимся настоящему патриотическому воспитанию подрастающего поколения” (<http://favorov.livejournal.com/>)

А Виктор Шендерович еще 27 октября, после закрытого просмотра кинофильма в Польском культурном центре, писал в своем ЖЖ: “В основе фильма — документальная, по дням и часам восстановленная история Катыни. МЫ должны это увидеть и узнать. НАМ, а не полякам, надо бы посмотреть всей страной фильм великого Вайды. Да не по одному разу, — а пока не выблועм из себя Сталина и имперское хамство, вернувшееся под новыми псевдонимами; пока не почувствуем вину перед мертвыми. Хотя бы своими, для начала: в СССР таких непокаянных катыней — тысячи...

А мы все празднуем свое величие и учим мир духовности”. (<http://shenderovich.livejournal.com/20103.html>).

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Годовщины за годовщинами... И сам я недавно выступал в качестве музейного объекта как один из редакторов неподцензурного литературного ежеквартального журнала “Пульс”, который мы основали с Яцеком Березиным, Витольдом Сулковским, Тадеушем Валендовским (никого из них троих уже нет в живых) и еще несколькими друзьями 30 лет назад. По этому случаю в Лодзи выпустили специальный номер журнала (№13 бис — нумерация тем более забавная, что 13 й номер не вышел: весь тираж изъяли органы накануне военного положения), куда вошло избранное из “отечественного” журнала (у “Пульса” было продолжение в эмиграции, но состав лондонской редакции был уже другой). С некоторым удивлением я обнаружил, что большинство перепечаток сохранило свою жизненность — это касается, в частности, дискуссии, начатой статьей Адама Михника “Творческая интеллигенция и коммунизм в Польше после 1945 года”, в которой принял участие и Густав Герлинг-Грудзинский. Эта дискуссия продолжается, собственно, до сих пор, обрастает более или менее интересными комментариями, публикуются всё более интересные материалы из архивов Института национальной памяти, часто поразительные. Тут невозможно излагать это и обсуждать, но на одно я хотел бы обратить внимание: на то, что уже тогда, во второй половине 70 х, начались те споры и дискуссии, которые по сей день влияют на формирование позиций и по-прежнему кажутся нерешенными. А у меня такое впечатление, что окончательного решения не будет никогда. Ибо на прошлое мы всегда смотрим с точки зрения уже свершившейся истории и “лучше знаем”, что следовало делать, чем те, кому тогда надо было принимать такие решения и совершать такой выбор, о которых им не только пришлось пожалеть, но против результатов которых они сами потом должны были бороться, как это было хотя бы с Виктором Ворошильским, первым главным редактором “Записа” — первого “подпольного” литературного журнала: сразу после войны он (1929 г.р.) обратился в коммунизм.

Слово “подпольный” я сознательно беру в кавычки. Редакции наших журналов — не так, как через несколько лет, во время

военного положения, — были явными: мы открыто печатали в каждом номере фамилии редакторов, их адреса и телефоны. Подпольной была — и должна была быть — техника: процесс печати, раздобывание бумаги, организация типографского оборудования и материалов. А пишу я об этом, потому что часто вынужден всё это объяснять своим студентам, родившимся в 80 е: им непонятно, как это нельзя свободно купить любое количество бумаги или печатный станок, не говоря уж о том, что сама деятельность цензуры представляется им варварством, в цивилизованном мире не имеющим никакого оправдания. Я стараюсь растолковать им положение культуры в поработанном обществе так, как в 70 е мне приходилось объяснять многим моим радикально настроенным друзьям, что то, что мы делаем, делаем затем, чтобы в будущем иметь возможность этого не делать. Ну и теперь празднуем годовщину за годовщиной — событий, гражданских начинаний, различных независимых акций. Среди нас есть и такие, кто стремится учреждать некие организации ветеранов, что, с одной стороны, меня забавляет, однако с другой — представляется вполне осмысленным: я вижу причины, по которым период часто многолетних трудов — тогда рассматривавшейся как “общественная работа” — следует включить в трудовой стаж и учитывать при выходе на пенсию.

Впрочем, это разговор на целую отдельную статью. Между тем юбилейные размышления, особенно связанные с возникновением независимой печати в коммунистические времена — того, что по-русски называется самиздат, — наводят внимание на некоторые затруднения, связанные с теми давними независимыми издательскими начинаниями. Это не были затруднения, возникавшие только внутри Польши, касались они и эмиграции. Интересным материалом на эту тему может служить статья Барбары Торунчик, напечатанная в последнем номере **“Зешитов литерацких”** (“Литературных тетрадей”, 2007, №4/100) в связи с 25 летием этого ежеквартального журнала. Вот как она описывает начало своей деятельности — а это было во время военного положения, когда художественные проблемы выглядели делом маргинальным: “Когда мы учреждали „Зешиты литерацке”, образцом нам служил Ежи Гедройц. В особенности Ежи Гедройц — издатель первого номера „Культуры”, редактор журнала в 50 е годы, создатель „Библиотеки „Культуры”””.

Обращая внимание на политические обстоятельства создания журнала Гедройца и сильный натиск политики, Торунчик подчеркивает: “Даже Чапский прощался с потерянным раем

чистой живописи, когда после войны связывал свою судьбу с „Культурой”. Однако первый номер этого журнала, включая статью Чапского, воспроизводил, словно контрнаступление против разрушений, принесенных войной, карту великой европейской культуры с именами Поля Валери, Бенедетто Кроче, Федерико Гарсии Лорки на обложке. Здесь должен был прокладываться путь в будущее. И название журнала было выбрано в соответствии с этим вызовом: „Культура” (а не „Политика”, как назывался журнал, издававшийся Гедройцем до войны в Варшаве). (...) В польской культуре мышления, однако, традиционно действовал закон „Благородно, увь”, о чем Милош напоминал на страницах „Культуры” уже в 80-е, в статье, которая так и называлась. Так что не забудем, что первыми, кто в Польше отважно и без комплексов требовали свободы в искусстве во имя независимости и интеллектуального уровня польской культуры, были Витольд Гомбрович, Чеслав Милош, Константы А. Еленский, Юзеф Чапский, Ежи Стемповский, Густав Герлинг-Грудзинский. Авторы „Культуры”, как мы о них привыкли думать”.

В 1982 г., когда возникла инициатива издания нового журнала, положение казалось по-своему похожим на послевоенное. Торунчик пишет: “Когда мы в Париже в 1982 г. начинали издавать „Зешиты литерацке”, Ежи Гедройцу было 76 лет, и он продолжал выполнять свою политическую миссию. В этом он был, как всегда, незаменим. (...) В те горячие денечки первой „Солидарности”, военного положения и потом 1989-го года редактор и не мог, и, наверное, не захотел бы предоставить свои страницы переводам Баранчака из Бродского и Шекспира, статьям Войцеха Карпинского о Ницше, Ван Гогге, Гофманстале (...). В 1981 г. Гедройц продолжал чувствовать себя творческим и активным, обращенным в будущее. Еще не пришла пора, говорит он в „Разговорах в Мезон-Лаффите в 1981 году” (...) печатать работы о творчестве „разбойничьих писателей”, то есть подводить итоги и осмысливать огромные достижения польской эмиграции — „его” писателей (...). Может быть, он был прав. Роль комментатора, извлечение выводов из полученных уроков, как правило, выпадает следующим поколениям. (...) Прозвучал наконец вопрос, всегда сопровождавший книги, строящие мост в будущее, особенно в Польше. Кто-то из нас должен был им задаться. Таким-то образом и были созданы „Зешиты литерацке””.

Характеризуя свой журнал, Барбара Торунчик пишет: “В журнале с первого номера существовала рубрика „Срединная Европа”. Публиковавшиеся там писатели сыграли огромную роль в великом повороте 80-90-х годов. Бродский, Ахматова,

Цветаева, Набоков, Исайя Берлин, Михник, Гавел, Голан, Кундера, Венцлова, Элиаде, Чоран — вот имена, появлявшиеся в этой рубрике, и, пожалуй, те же люди оказали тогда наибольшее влияние на наше личное, неполитическое понимание свободы — это излюбленная тема Бродского и Набокова, Цветаевой и Гавела. Но и Гомбровича, неизданные произведения и письма которого мы тоже печатали, и Чапского, дневниками которого мы начали наш издательский путь. Книгой Адама Загаевского „Солидарность и одиночество” (...) в 1986 г. открылась „Библиотека “Зешитов литерацких””; эта книга была духовным манифестом мыслителя и художника времен „Солидарности””.

Шло время: “Когда мы переносили „Зешиты литерацке” из Парижа в Варшаву, Ежи Гедройцу было 84 года. Он издавал „Культуру” еще 10 лет. Он воздвиг себе нерукотворный памятник. (...) Споры, которые он вызывал, угасли, к сожалению, с его смертью в 2000 году. Уже никто не побуждает к дискуссии о нашей публичной жизни с такой, как у него, энергией, изобретательностью и вкусом, а к издательской деятельности — с таким безошибочным ощущением таланта автора и ранга его произведений. Как будто сразу после смерти Гедройца в нашей умственной жизни пропала мера, критерии, умение различать. Сегодня мы стоим перед новыми требованиями. Ежи Гедройцу не нужно было задаваться вопросами, как издавать элитарный журнал во времена рыночной экономики и массовой культуры, диктата вкусов гроттеровского патриотизма (синонима плоского “романтизма”. — Л.Ш.), пропагандируемого государственным телевидением в интерьерах из „Династии”. Во времена независимой Польши, которой управляет система партий, где любая коалиция приемлема, даже союз бывших активистов „Солидарности” родом из демократической оппозиции с радикальными традиционалистами из борцов за независимость и крайними националистами. Где министр просвещения изгоняет из школ книги Гомбровича и Конрада, ширит ненависть, послушание, конформизм [речь идет о бывшем министре Романе Гертыхе]. Где правит закон прибыли и закон минимализации затрат, особенно государственных расходов на культуру и занимающиеся ею журналы, по природе убыточные. Где высокой культуре не служит меценатом ни государство, ни бизнес (за немногими похвальными исключениями). Часто я задаю себе вопрос, что бы сказал нам сегодня Ежи Гедройц”.

Думаю, известно, что бы он сказал. Как обычно, подчеркнул бы, что даже в таких трудных условиях, как эмигрантские,

“Культура” сумела выжить без мецената, который ставил бы ее в зависимость от себя, и сохранила полную независимость — несмотря на то, что существовала в пространстве, где действовали законы рынка и закон минимализации затрат. И сумела выжить еще и потому, что нашла золотую середину между политикой и культурой. Так, впрочем, происходит и сегодня. Живут не только — все время борясь с финансовыми трудностями — “Зешиты литерацке”, но и другие достойные внимания элитарные журналы, такие как, с одной стороны, быдгощский “Квартальник артистичный” (“Художественный ежеквартальный журнал”), а с другой — гданьский **“Пшеглэнд политичный”** (“Политическое обозрение”).

В последнем номере этого гданьского журнала (№85-86, 2007) — среди учредителей которого в 1982 г. в условиях полного подполья (а значит, прошел еще один юбилей: 25 летие) был, кстати, сегодняшний премьер-министр Туск — мы находим несколько статей, подводящих итоги прошлогодних парламентских выборов. Выбираю отрывки из статьи Михала Вархали “Третье повествование, третий путь”:

“Что дальше? Мы стоим на поле брани после культурной войны. (...) Есть у нас и новая исходная точка, и новая, либеральная партия у власти, партия, которая обещает новую надежду и даже экономическое чудо. Это хорошие условия для того, чтобы создать новое повествование о Польше, о польской модернизации — повествование, в котором не было бы забыто прошлое (и до 1989 го, и после), но правда была бы показана без идеологических упрощений, не замечая сор в углы во имя „выбора будущего”. Так, чтобы прошлое действительно могло стать трамплином нынешней и в особенности будущей деятельности. Замазывать прошлое, считать, что оно несущественно, — это всегда кончается возвращением старых демонов, приводит к тому, что в конце концов они захватывают власть над настоящим. (...) „Священные истории”, предлагавшиеся как апологетами Третьей Речи Посполитой, так и „нравственными революционерами” Четвертой, были идеологическими картинками, предназначенными как раз для того, чтобы замазать истины, невыгодные с точки зрения текущей политики и текущих интересов. Их целью было ликвидировать двусмысленность, тяготеющую над прошлым, загнать его в ясные схемы — будь то „выбора будущего” (предвыборный лозунг Квасневского. — Л.Ш.), будь то „исторической политики” (пропагандистская политика Качинского. — Л.Ш.). А в этой схеме — укоренить безальтернативную картину сегодняшнего дня. Ее

противникам оставалось бы только смириться с ярлыками экстремистов или членов „системы”.

Сегодня священная история Четвертой Речи Посполитой, созданная „Правом и справедливостью”, положена на лопатки. Однако было бы плохо, если бы новая политическая исходная точка стала просто возвратом к гегемонии священной истории апологетов Третьей Речи Посполитой. Если бы новые правители (а вместе с ними верхи интеллигенции) позволили захватить себя волне „антикачизма” и по образцу этих апологетов вместе с водой неудачливости ПиС вылить и ребенка их верного социологического диагноза болячек польской демократии. Новое повествование, написать которое мы сегодня имеем возможность, не должно стать новым гегемоном, который заменит гегемонов павших или гегемонов несостоявшихся. Оно должно быть настоящим метаповествованием, которое извлечет уроки из ошибок и извращений предыдущих повествований. (...)

Откуда черпать материал для этого нового повествования? Идей сегодня кружит в плюрализированном польском дискурсе немало, чему способствовал карнавал „семантической революции” 2003–2004 гг., то есть периода, когда эта революция еще не превратилась в войну „ПиС против всех”. (...) Правы, вероятно, те, кто считает, что сегодня основная задача — восстановить общественное доверие, а путь к этому ведет через реактивацию идеи общности, охватывающей и тех, кто до сих пор функционировал за ее рамками. Да только республиканство, образец которого — первая „Солидарность”, нуждается в отчетливом концептуальном развитии. (...) Но эту задачу может выполнить лишь подлинно открытый дискурс, глашатаи которого поймут, что как нет сегодня возврата к революционной напыщенности, точно так же нет возврата и к „мягкому релятивизму” 90 х годов, в рамках которого любые разговоры об общности были подозрительны, а царил навязчивый интеллигентский нарциссизм, поучающий всех, кто с его приговорами не соглашался, что они „не доросли до демократии””.

Что же, вспоминаются слова одной песни, которая приобрела огромную популярность во время военного положения: “Мы хотим быть собой”. Но как? Войцех Млынарский в те же времена пел: “Делай свое”. Ясно. Вопрос только: вместе или по отдельности? Одно несомненно: о Польше нет одного-единственного повествования. Да так оно и лучше всего.